

Сибирскіе

Годъ V

№ 4

Вопросы

31 января 1909 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Сатрапъ. *Я. Полсферова.*
2. Не рѣшенный вопросъ. *Я. Полсферова*
3. Десница и шуйца Главнаго управленія землеустройства и земледѣлія *Н. Скалозубова.*
4. * * Стихотвореніе. *Сергѣя С-на.*
5. Обзорѣніе сибирской жизни. *В. К.*
6. О „словесной расправѣ“ у Якутовъ. *В. Окольскаго.*
7. Очерки переселенческаго дѣла на Дальнемъ Востокѣ. *В. К.*
8. Рѣчи *В. И. Дзюбинскаго* и *Т. О. Бѣлоусова* въ Государственной Думѣ.
9. Отчетъ о засѣданіяхъ въ разныхъ Обществахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Адъютулера. Фонтанка, 96.

1909.

С а т р а п ъ.

(Посвящается И. И. Кр—ту).

I.

Въ первый разъ я увидѣлъ его въ глухомъ городишкѣ Бѣлогорскѣ.

Ждали его долго. Изнервничались всѣ до того, что перестали бывать другъ у друга, чтобы не ссориться, а пуще всего боялись, какъ бы до уха его превосходительства не долетѣла молва о дрязгахъ—потомъ разбирайся, да оправдывайся. Только киргизскія власти, съѣхавшіяся за двѣ недѣли, по-прежнему флегматично возсѣдали противъ уѣзднаго правленія и вели безконечный разговоръ про свои дѣла. Они привыкли, что ихъ заставляють по цѣлымъ недѣлямъ совершенно безцѣльно торчать у камеры мирового судьи, у какого-нибудь урочища при большой дорогѣ въ ожиданіи проѣзда губернатора или уѣзднаго начальника.

Но вотъ примчался въ полдень чапаръ и сообщилъ, что къ вечеру „облосъ“ (такъ киргизы зовутъ губернаторовъ) будетъ. Точно вихрь пронесся по городу... Пыль сѣрыми клубами сразу охватила окрестность: то переселенцы, поощряемые полицейскими, старательно мели улицы. Всюду раздавались грозныя приказанія «начальства» по части всякихъ депутацій, и джигиты, высунувъ языки, мчались отъ одной группы киргизъ къ другой, передавая распоряженія. Завѣдующій полицейской частью, круглый точно кубарь, перебѣгалъ изъ дома въ домъ, умоляя снабдить его различной сервировкой для губернаторскаго стола. Каждый изъ обывателей невольно проникался жалостью при взглядѣ на убитую

фізіономію полицейскаго чиновника, на его преждевременную лысину, съ которой обильно струился потъ. На плацу полурота невзрачныхъ солдатъ, съ командиромъ Курносовымъ во главѣ, маршировала подъ глухой перебой барабана и то и дѣло нестройно вскрикивала: «здравья желаемъ ваше пство»...

Чиновники, въ силу наистрожайшаго приказанія сатрапа, собрались въ полутемной комнатѣ комендантскаго дома и сновали изъ угла въ уголь, время отъ времени созерцая изъ оконъ уличную суматоху. Тутъ были уѣзныя власти, врачи, мировой судья и почтмейстеръ. Изстари заведенъ обычай, чтобы встрѣчать его сатрапскую свѣтлость тотчасъ, какъ онъ пріѣдетъ, будь то полночь или другой неурочный часъ. Одинъ только судья, какъ видно, чувствовалъ себя хорошо и на каждое восклицаніе недовольства кого-либо изъ ожидающихъ наставительно замѣчалъ:

— Господа: будьте справедливы! Мы ожидаемъ одного изъ восьмидесяти...

Почему этотъ «одинъ изъ восьмидесяти» долженъ вызвать въ насъ чувство справедливости и умиленія, судья объяснить не могъ, тѣмъ болѣе, что двадцатилѣтняя служба въ степной глуши окончательно вытравила въ немъ всякую мыслительную способность.

У крыльца въ двѣ шеренги выстроились представители разныхъ сословій съ соотвѣтствующими дарами: отъ купцовъ хлѣбъ-соль на блюдѣ, отъ переселенцевъ тоже, но на скромныхъ начлахъ; отъ татаръ «чакъ-чакъ», отъ киргизъ «кумызъ».

Прискакалъ второй чапаръ, мѣшкомъ свалился съ лошади и, подбѣжавъ къ помощнику уѣзднаго начальника, крикнулъ:

— Хазаръ келеде (сейчасъ пріѣдетъ).

Черезъ четверть часа вдали показалась пыль... Искрой пробѣжало: «ѣдетъ», и всѣ впились глазами въ степную даль. Съ гиканьемъ и свистомъ летѣли впереди джигиты, щедро награждая своихъ измученныхъ лошадей толстыми нагайками; за ними карьеромъ мчался на тройкѣ уѣздный начальникъ, а вслѣдъ несло шесть троекъ губернаторскаго кортежа...

Сатрапъ произвелъ непріятное впечатлѣніе.

Что-то надменное сквозило во всей его невзрачной фигурѣ, въ его зеленоватыхъ глазахъ, смотрѣвшихъ поверхъ очковъ, въ его небрежно отставленной лѣвой ногѣ, наконецъ, въ его дряблой, отвисшей нижней губѣ. Казалось, что онъ глубоко презираетъ всю эту толпу, которая его подобострастно привѣтствуетъ, свою свиту,

изо дня въ день маячившую передъ глазами, и всѣхъ чиновниковъ, согнанныхъ согласно его желанію...

Медленно обвелъ сатрапъ своими близорукими глазами по чиновничьей шеренгѣ, пожевалъ губами и, цѣдя слова сквозь зубы, произнесъ:

— Очень радъ видѣть васъ, господа, въ добромъ здоровьѣ... Надѣюсь, служите исправно... Прощайте...

Сатрапъ круто повернулся, свита разступилась, и онъ лѣниво прошелъ въ приготовленные ему комнаты...

II.

Комендантскій домъ блеститъ огнями, бросающими причудливыя тѣни на площадь. Передъ окнами стоятъ солдаты-пѣсенники, готовые гаркнуть любимую «галку», за ними толпа переселенцевъ и киргизъ. Изъ открытыхъ оконъ несется гулъ голосовъ, звонъ бокаловъ и нестройное „ура“...

Это послѣ удачной стрѣльбы комендантъ чувствуетъ сатрапа ужиномъ.

Юркая фигура капитана высунулась изъ окна, и раздался его сильный голосъ:

— Ребята! Его превосходительство благодаритъ васъ за вѣрнопоподданническія чувства и вѣрную службу...

По площади гулко пронеслось „ура“, а вслѣдъ за этимъ сладенькій теноръ солдата-запѣвалы затянулъ:

Ужъ ты, милая моя,
Почемъ не была вчера.
Я те поджидалъ,
Тужилъ, горевалъ...

Когда безобразная пѣсня смолкла, къ окну протискался пожилой переселенецъ, снявъ свою рваную шляпу-грешневикъ и робко сталъ звать:

— Ваше бродіе, господинъ баринъ-капитанъ...

Капитанъ, стоявшій спиной къ окну, круто повернулся и недовольно спросилъ:

— Ну, чего тебѣ надо?

— Вашебродіе, нельзя-ли доложить его превосходительству...

Цѣльный день стоимъ, не ѣвши...

— Вотъ присталь... Видишь, генераль разговоръ занять.

— Окажите божескую милость.

— Отвяжись... Кроминь, веселую!

Черная галка,
Бѣлая полянка,
Ты жъ, Марусенька,
Черноброва..

И далеко за полночь пировали въ комендантскомъ домѣ. Долго еще солдатская пѣсня прорѣзывала сонную тишину Бѣлогорска, заставляя незадачливыхъ депутатовъ-переселенцевъ вращаться отъ невеселыхъ думъ на жесткихъ постеляхъ...

На утро назначень отъѣздъ. Комендантскій домъ кольцомъ окружень народомъ. Тутъ и злосчастные депутаты отъ переселенцевъ, второй день жаждущіе поговорить съ генераломъ, сказать ему про свои нуждишки, и пестрая толпа конныхъ киргизъ, составляющая обычную свиту сатрапа, и почетный караулъ солдатъ, и просто любопытные обыватели.

Въ гостиной, наполненной отъѣзжающими и провожающими, пьютъ „посошокъ“.

— Ваше Превосходительство!—обратился капитанъ Курносовъ къ сатрапу, высоко держа въ правой рукѣ бокалъ съ шампанскимъ.—Позвольте отъ лица всѣхъ присутствующихъ и отъ всего народа здѣшняго сказать вамъ спасибо за ваши заботы о насъ грѣшныхъ, за вашу снисходительность къ нашему неразумію, за ваше мудрое правленіе областью... Лучшаго начальника намъ не надо и не сыскать... Ура!

Чокнулись, выпили. Сатрапъ обвелъ глазами провожающихъ, какъ и при встрѣчѣ его, и проговорилъ:

— Желаю добраго здоровья... Вашей службой я доволенъ...

Когда онъ вышелъ на крыльцо, толпа переселенцевъ обнажила головы и упала на колѣни.

Сатрапъ сдвинулъ брови и рѣзко спросилъ:

— Что вамъ нужно отъ меня?

— Ваша свѣтлость, начальникъ нашъ... Яви божескую милость... трудноато съ землей стало...

Генераль, подойдя вплотную къ переселенцу Морозу, дернулъ его за бороду и крикнулъ:

— Да вы кто? Переселенцы?! А кто васъ сюда звалъ?! Я?! Нѣтъ?—такъ и убирайтесь туда, откуда пришли...

Не успѣли огорошенные депутаты встать и нахлобучить свои

шапки, какъ губернаторскій кортежъ скрылся въ облакъ пыли, поднятой бѣшено джигитовавшими киргизами.

Уныло побрели домой переселенцы. Шли они молча, да и о чемъ говорить—всѣ слышали, какъ крикнулъ сатрапъ и убилъ въ нихъ всякую надежду.

За то комендантъ и чиновный людъ дали волю дикой радости: миновала гроза, не всплыли всѣ мерзости произвола и казнокрадства, широко творимыя въ глухомъ городишкѣ.

До утра продолжалась пьяная оргія въ комендантскомъ домѣ.

III.

Живописно раскинулся аулъ Сандыбековыхъ по красивому урочищу Аулье. Бѣлыя кибитки причудливо вырисовывались на сѣромъ фонѣ выжженной степи. Сбатованные кони паслись у звонкаго ручья и тутъ же дымились котлы съ бараниной, взбивался до пѣны кумысъ.

Въ аулѣ торжество: сатрапъ гостить у Сандыбековыхъ.

Огромная нарядная кибитка, пестро убранная коврами, вышитыми лентами, полна гостей. Сатрапъ полулежитъ на грудѣ пуховиковъ, передъ нимъ дымится миска съ бишбармакомъ, чашка съ кумысомъ и рядомъ бокалъ съ шампанскимъ. Свита расположилась тоже полулежа, полукругомъ по обѣ стороны, и къ дверямъ спиной въ два ряда возсѣдаютъ почетные аксакалы. Хозяинъ, бѣлобородый старикъ, то и дѣло потчуетъ гостей и отдаетъ приказанія мальчикамъ-прислужникамъ, на-лету схватывающимъ желанія господина.

— Таксырь женераль (господинъ генераль), ми просимъ ашать (кушать), — съ низкими поклонами просилъ хозяинъ, ставя передъ сатрапомъ подносъ съ различными сластями, среди которыхъ возвышался большой ананасъ съ завядшей зеленью.

— Спасибо, Сандыбекъ... Ну, а какъ же твои табуны множатся?

— Бульна моя хороша... А вотъ, таксырь-женераль, моя покажетъ твоя бульна красивой жеребца... Бульна красивый...

Сандыбекъ хлопнулъ въ ладоши, бросилъ односложное „аъ“ (лошадь), и мальчуганы скрылись за кошмой кибитки. Минутъ черезъ пять послышалось звонкое ржанье, топотъ и крики одобрения изъ группы киргизъ, расположившихся вокругъ кибитки.

Сандыбекъ выглянулъ изъ кибитки, потомъ подбѣжалъ къ

сатрапу и со словами: „пришла, таксырь“, сталъ осторожно поднимать отяжелѣвшаго гостя. На помощь подскочили двое аксакаловъ. Сатрапъ, кряхтя, поднялся, вышелъ изъ кибитки и остановился удивленный: на него прямо смотрѣлъ веселыми глазами чудный аргамакъ, золотистой масти, съ небольшой красивой головой, тонкими, точно выточенными, сухими ногами. Два джигита подъ уздцы держали жеребца, который нетерпѣливо билъ копытомъ.

Два раза провели аргамака передъ кибиткой, и сатрапъ все время повторялъ: „дивная лошадь... прелестный конь“... А когда Сандыбекъ велѣлъ осѣдлатъ его и молодой джигитъ вихремъ промчался по равнинѣ, то сатрапъ даже зажмурился отъ восторга... Хитрые глаза Сандыбека перебѣгали отъ генерала къ лошади и обратно, въ нихъ зажигались какія-то искорки, и едва уловимая улыбка кривила ротъ.

— Да, лошадь прекрасная, большихъ денегъ стоитъ,—проговорилъ, наконецъ, сатрапъ, обращаясь къ Сандыбеку.

— Вотъ спасибо, таксырь-женераль, лошадь твоя теперь.

Проговоривъ это, Сандыбекъ выхватилъ поводъ изъ рукъ джигитовъ, подвелъ лошадь къ сатрапу и сталъ совать въ руку конецъ чумбура. Сатрапъ отлично понималъ, что это значить, и былъ доволенъ такимъ исходомъ, но нельзя и согласиться сразу, подумаютъ еще, что онъ радъ этому подношенію, а потому схватилъ руку Сандыбека и строго спросилъ:

— Что это значить?

Однако, старый киргизъ не смутился этимъ и, согнувшись дугою, чтобы изобразить позу еще просительнѣе, заговорилъ своимъ тоненькимъ бабьимъ голосомъ:

— О, таксырь - женераль! Киргизскій Адатъ велить твоя взять моя жеребца... У насъ киргизовъ такъ: понравился жеребцу—бери; пропадетъ все рувно, помирать будить, Адатъ нашъ святой... Не обижай, таксырь. Ну, пуцай твоя ни хочить брать—твоя сынъ растетъ, лихой офицеръ будить, бери ему...

Окружающая свита присоединилась къ просьбамъ Сандыбека, и сатрапъ не устоялъ.

Черезъ минуту шампанское вновь запѣнилось въ бокалахъ и выпили за дорогой подарокъ.

— Это я люблю,—заговорилъ сатрапъ,—европейскій пріемъ, видно, что Сандыбекъ—цивилизованный киргизъ... Вотъ, одноаульцы,—обратился онъ къ группѣ киргизъ-гостей,—подражайте

Сандыбеку, берите примѣръ съ него. Пора вамъ бросить дикіе порядки, жить «чушками»... Жаль только, что ты, Сандыбекъ,— снова обратился сатрапъ къ хозяину,— не баллотируешься въ волостные, порядокъ бы, да цивилизацію ввелъ въ своей округѣ...

Сандыбекъ низко кланялся, а въ глазахъ его блестѣла радость скорого отмщенія ненавистному роду Копы, нынѣшняго волостного управителя.

Осенью того же года Сандыбекъ сталъ волостнымъ управителемъ, несмотря на то, что получилъ меньшее число голосовъ.

IV.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Кочеваніе въ далекихъ киргизскихъ степяхъ я смѣнилъ на осѣдную жизнь въ Петербургѣ.

Какъ-то мнѣ пришлось быть по дѣлу у одного изъ сильныхъ въ чиновничьемъ мірѣ. Въ пріемной, куда я вошелъ, скромно въ углу сидѣлъ старичокъ-генераль. Что-то знакомое показалось мнѣ въ его фигурѣ. Наши глаза встрѣтились. Генераль быстро поднялся и, изобразивъ на своемъ лицѣ пріятную улыбку, подошелъ ко мнѣ:

— А-а... Андрей Андреичъ... Узнали меня? Ну, какъ поживаете, дорогой? Слышалъ, слышалъ... Въ гору пошли (соотвѣствующій жестъ рукой). Очень радъ, очень радъ, потому все же вы начали общественную дѣятельность подъ моимъ, такъ сказать, протекторатомъ...

Въ это время курьеръ доложилъ, что г. директоръ проситъ его превосходительство. Сатрапъ (это былъ онъ) моментально весь съежился, поправился передъ зеркаломъ и торопливо засѣмнилъ къ тяжелымъ портьерамъ директорской двери.

Той величавости и надменности, которыми сатрапъ былъ проникнутъ въ степяхъ, тутъ не было и слѣда...

Я. Полѣбовъ.

Не рѣшенный вопросъ.

Въ то время, какъ русское общество, во главѣ съ печатью, старается разобраться въ событіяхъ дня, наши окраины по-прежнему изнемогаютъ подъ тяжкимъ бременемъ не разрѣшеннаго и вѣчно проклятаго для нихъ во-

Сибирскіе

Годъ V

№ 16

Вопросы

1 мая 1909 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Русскій Богъ. *Я. Полферова.*
2. Губернаторскіе объѣзды.
3. Очерки сибирской жизни. *Л. К.*
4. А онъ все тотъ-же. *Тургайскаго.*
5. Обзорѣніе русской жизни.
6. Сибирскіе вопросы въ Государственной Думѣ. *Т. Бьлоусова.*
7. Въ обществѣ изученія Сибири.
8. Хроника.
9. Письма въ редакцію.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96.

1909.

„Русскій Богъ“.

(Посвящается Н. М. Рысину).

— Нурджанка—воръ, украль у уруса корову... Нурджанка плохой человекъ, и русскій судья его въ тюрьму бросить, а потомъ далеко-далеко пошлетъ жить... А тамъ нехорошо жить: степи нѣтъ, кумыса нѣтъ, барана нѣтъ...—вслухъ дѣлился своими мыслями Нурджанъ Кутеповъ, сидя на голомъ холодномъ полу полуразвалившейся временной тюрьмы.

— Нурджанка воръ... А почему воръ? Зачѣмъ онъ у уруса корову украль?... Три года зима суровая была, тебеневка плохая, скотъ пропалъ, послѣднюю лошадь на маханъ рѣзаль... Три дня дѣти ничего не ѣли... А у уруса много скота...

Нурджанка схватилъ руками голову и сталъ раскачиваться...

— Нурджанка воръ, у уруса корову украль... А урусъ насъ луга взялъ, наши стада погубилъ и его на барбетъ посадили...

Въ тюрьмѣ было холодно. Маленькое окно, затянутое желѣзной рѣшеткой, слабо пропускало дневной свѣтъ... На дворѣ шумѣлъ вѣтеръ. Глухо отдавались шаги часового...

— А какъ теперь съ женой, съ дѣтьми будетъ? Совсѣмъ карачунъ... Ой-бой, оппромой, Алла!.. Нурджанка не хочетъ идти далеко-далеко, куда русскій судья пошлетъ... Нурджанка хочетъ въ свою кибитку... У уруса онъ больше не станетъ корову брать, пойдетъ въ Жаманкала работать...

Ржавый засовъ двери заскрипѣлъ. Сторожъ внесъ кружку воды и большой ломоть черного хлѣба.

— Ашай, малайка!.. Все сидишь, кунакъ... Сиди, сиди, въ

другорядъ воровать не станешь... А то ишь, орда, повадилась у православныхъ добро красть...

Нурджанка, хотя и плохо зналъ русскую рѣчь, но все же понималъ.

— И какой ты, малайка, паршивый... Тошой, одежонка вѣтромъ подбита, силенки, што у воробья... А туда же лѣзеть воровать...

— Зачимъ, знакомъ, Нурджанку бранишь... Нурджанка ашать хотѣлъ, бала (дѣти) кричалъ, ашать хотѣлъ... У уруса скота копь (много).

— Эхъ, азiятчина, одно слово... Ну што-жъ и много, да не про вась, орду нехрещеную...

Сторожъ помолчалъ, пожевалъ губами и сказалъ:

— А ты, малайка, крестись въ нашу вѣру: хорошо будетъ, сытъ будешь, мисинеры избу поставятъ, маштакъ дадутъ...

— Бельмей (не понимаю) крестись... — недоумѣвалъ Нурджанъ, засовывая въ ротъ послѣднiй кусокъ хлѣба.

— А такъ: Аллахъ—тьфу!—сторожъ плюнулъ,—шайтанъ, чушка Аллахъ съ Магометомъ, а урусъ Богъ...

— Ай-ай... Жаманъ сказалъ твоя...

Нурджанъ понялъ смыслъ рѣчи сторожа и ужаснулся.

— Не хочешь? Ну такъ загонять тебя на край Сибири, и кибитка твоя... фьютъ!—сторожъ свистнулъ.

Опять Нурджанка покачивался корпусомъ и жалобно тянулъ:

— Жена плачетъ, дѣти плачутъ: ѣсть хотятъ... Аллахъ и Магометъ нельзя бранить, зачѣмъ урусъ такъ нехорошо обозвалъ. Это его богъ не настоящiй богъ, а паръ, а урусъ не человѣкъ, а гяуръ...

Онъ сталъ молиться на окно, порозовѣвшее отъ заката. Въ тюрьмѣ стало темно.

Сторожъ внесъ небольшую жестяную лампу съ закоптѣлымъ, вверху заклееннымъ бумагой, стекломъ, молча поставилъ на подоконникъ и снова обратился къ заключенному:

— Эй, малайка, слушай добраго совѣта... Тепло будетъ, маханъ будетъ, маштакъ будетъ... Крестись урусъ Богъ, якши совсѣмъ будетъ...

Нурджанка молчалъ. По лицу его скользнула неопредѣленная гримаса.

— Урусъ Богъ... Зови твоя бобъ (попа)...

— Вотъ такъ-то лучше... Смотри, малайка, не брехай, а то видѣль?

Сторожъ показаль здоровенный кулакъ.

— Зачимъ брехай... Нурджанка джокъ (нѣтъ) собака, Нурджанка казакъ...

— Такъ ты, сынъ мой, пожеласть познакомиться съ православной вѣрой? Это хорошо и благодатно,—сказаль по киргизски священникъ-миссіонеръ, съ бабьимъ лицомъ, заплывшимъ жиромъ.

— Говорять, что русскій Богъ — настоящій Богъ, а пророкъ Магометъ—не пророкъ...

— Я расскажу тебѣ, сынъ мой, какъ воспріять истинный свѣтъ Христовъ, я приготовлю твою душу для благодати Божьей...

— Миѣ холодно, бобъ...

— Да, тутъ холодно... Я похлопочу, чтобы тебя завтра же перевели въ нашу миссіонерскую школу.

— У Нурджанки теперь хорошій халать, мягкіе ичаги... Нурджанкѣ тепло, какъ въ землянкѣ самого султана, а ѣсть Нурджанка каждый день маханъ... Хорошо урусъ кормить, ласковый русскій Богъ... — мечталъ Нурджанка послѣ сытнаго обѣда, развалившись на пушистой кошмѣ и пуховой подушкѣ.

— Изъ аула хабаръ есть, что бобъ маханъ моимъ послаль, корову купиль, муки много далъ. Теперь и они ѣдятъ каждый день, не проклинаятъ Нурджанку... «Хорошій атай» — дѣти говорятъ...

Киргизъ задумался. Мало-по-малу довольное выраженіе лица стало смѣняться болѣе серьезнымъ, на лбу появились морщины.

— А вотъ бобъ ничего не говоритъ: посадять Нурджанку за корову, что онъ у уруса украль, или простять. Надо простить... Скоро Нурджанка джокъ-Миколай будетъ, корову украль Нурджанка, а Миколай не вороваль...

Однако, мрачныя мысли не покидали Нурджанку, напротивъ, принимали болѣе и болѣе тревожное направленіе.

— Зачѣмъ бобъ нашему муллѣ сказать, что Нурджанка въ русскую вѣру хочетъ переходить, Аллаха и Магомета хочетъ позабыть... Садыкъ говорилъ, что на коранѣ святомъ проклянетъ Нурджанку и весь его родъ... Не надо проклинять... „Покроется тѣло червями и источать они его и весь родъ проклятый“ — сказалъ мулла... Ай, не хорошо...

Вошелъ священникъ.

— Здравъ, сынъ мой?

— Здравъ ли ты, мой отецъ?

Киргизъ молитвенно сложилъ руки и подошелъ къ священнику для поцѣлуя руки.

— Черезъ недѣлю, Нурджанъ, ты долженъ принять таинство крещенія. Теперь ты готовъ; знаешь, въ чемъ состоитъ православная русская вѣра, чему учить людей русскій Богъ...

— Все знаю, отецъ мой... Знаю, что былъ такой богъ, который съ неба вошелъ въ женщину и родился отъ нее человекъ...

Священникъ морщился, слушая невѣжественную рѣчь своего прозелита, но не прерывалъ. Собственно миссіонеру было безразлично, какъ воспринялъ Нурджанъ мѣсячное наставленіе въ христіанствѣ. Важна цифра, которая свидѣтельствовала бы о дѣятельности православной миссіи, оправдывала бы расходы, затрачиваемые на послѣднюю.

— Русская вѣра—хорошая вѣра... Русскій Богъ — добрый Богъ... Онъ сытно кормить, бѣднымъ людямъ корову даетъ, воровъ прощаетъ...

Нурджанка посмотрѣлъ на священника.

— А вѣдь русскій Богъ воровъ прощаетъ?

— Прощаетъ, кто раскаивается,—отвѣтилъ миссіонеръ.

— А Богъ выше судьи?

— Богъ выше всѣхъ людей, Онъ—господинъ земли.

— Значить, если Богъ меня простить, то судья въ тюрьму не смѣетъ сажать, Богъ ему не прикажетъ, не велитъ...

Священникъ продолжалъ недоумѣвать такому обороту бесѣды.

— Воровство, сынъ мой, дѣло мірское, а потому и подлежитъ суду людскому, а Богъ наказуетъ духовные проступки людей.

— Корову укралъ, семья голодная была — это людямъ или Богу надо разбирать?

— Дѣло мірское и судить человѣкъ, а Богъ наказуетъ вора, если онъ не раскается, зато, что содѣяннымъ онъ испортилъ свою душу...

— Нурджанка корову укралъ... Кто его судить будетъ: Богъ или судья Ивакинъ?

— Судья...

— Нурджанка плохо сдѣлалъ, ты сказалъ: покайся Богу, что больше воровать не станешь, и Онъ тебя проститъ... Нурджанка такъ и сдѣлалъ, и ты сказалъ: какъ перейдешь въ русскую вѣру, такъ Богъ и проститъ, какъ будто и не воровалъ Нурджанка. А Богъ выше судьи Иванкина... Аллахъ выше, Магометъ выше, а русскій Богъ, ты самъ говорилъ, выше и Аллаха, и Магомета...

— Богъ вѣдаетъ душой человѣка, а не мірскими дѣлами... Ты укралъ корову, это — мірское дѣло и тебя будетъ судить судья Иванкинъ...

— И можетъ въ тюрьму опять посадить?

— Можетъ. Но въ темницѣ будетъ твое тѣло, душа же твоя просвѣтлѣла и вышла изъ темницы...

Нурджанка испуганно посмотрѣлъ на священника.

— Зачѣмъ моя душа изъ тѣла будетъ выходить?.. Нурджанка жить хочетъ, Нурджанка помирать не хочетъ...

— Ты не такъ понялъ меня. Тѣло твое будетъ страдать, но душа, оставаясь въ тѣлѣ, будетъ радоваться свѣтомъ Христовымъ...

— А какъ кормить въ тюрьмѣ будутъ? Также сытно, какъ теперь я ѣлъ? Тепло тамъ?.. Мягко спать?

— Въ тюрьмѣ тѣло страдаетъ...

— Нурджанка не хочетъ, чтобы тѣло страдало... Нурджанка хочетъ сытно ѣсть, долго спать на теплой кошмѣ, на мягкой подушкѣ, по гостямъ желаетъ ѣздить, къ себѣ звать на кунакъ-асы. Нѣтъ, Нурджанка, не хочетъ въ тюрьму... Скажи своему Богу, пусть онъ погрозитъ судья не сажать Нурджанку въ тюрьму...

— Ну, хорошо, хорошо, я поговорю съ судьей, можетъ, тебя и можно освободить...

Священникъ всталъ.

— Такъ черезъ недѣлю, сынъ мой, я тебя окрещу, а послѣ-завтра ты приходи въ храмъ Божій, послушаешь службу, посмотришь благолѣпіе...

Нурджанъ безпокойно переминался съ ноги на ногу.

— Нѣтъ, бобъ, ты сначала узнай, будетъ Нурджанкѣ тюрьма или нѣтъ... Я не хочу въ тюрьму... Если тюрьма будетъ, въ русскую вѣру не пойду... Зачѣмъ мнѣ русскій Богъ, когда онъ не можетъ приказать судѣе не сажать Нурджанку въ тюрьму... Аллахъ не велитъ — киргизскій бій не смѣетъ сажать въ яму, штрафа не можетъ наложить... Что Аллахъ? Магометъ не захочетъ и тогда бій не смѣетъ судить... А русскій Богъ, ты самъ говоришь, больше Аллаха...

— Да вѣдь ты хочешь вѣру русскую принять безкорыстно, по влеченію сердца, по просвѣтлѣнію разума...

— Мнѣ сказали: русскій Богъ добрый, самый главный изъ всѣхъ другихъ боговъ, у Него нѣтъ голодныхъ людей, Онъ даетъ и скотъ, и хлѣбъ, и деньги... Я и повѣрилъ... А теперь ты говоришь, что Онъ не можетъ приказать судѣе не сажать Нурджанку въ тюрьму... Зачѣмъ ты неправду говорилъ?..

— Ты, Нурджанъ, не понялъ меня. Я завтра приду побесѣдовать о Богѣ...

— Скажи Богу, Нурджанка въ тюрьму не хочетъ... Если судья посадить въ тюрьму, Нурджанка не хочетъ русскаго Бога...

Черезъ недѣлю Нурджанку осудили на два мѣсяца въ тюрьму. Вѣра его въ русскаго Бога окончательно пропала.

Я. Полферовъ.

Губернаторскіе объѣзды.

Если губернаторскіе объѣзды во внутреннихъ губерніяхъ, изрѣзанныхъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, потеряли бутафорскую окраску, то на окраинахъ они продолжаютъ сохранять характеръ прежнихъ „воеводскихъ наѣздовъ“. По прежнему губернаторскій поѣздъ изъ 3—5 тарантасовъ, въ сопровожденіи одного-двухъ обывателей, наряженныхъ властями „для почету“, изъ года въ годъ показывается въ глубинѣ степей, производя „ревизіи“ уѣзднымъ учрежденіямъ, дѣлая смотръ „войскамъ“, исчисляемымъ въ сотню-другую солдатъ ради острастки инородцевъ. Въ очеркѣ „Сатрапъ“ („Сиб. Вѣст.“ № 4) съ натуры воспроизведена картинка такого поѣзда, а потому на этой сторонѣ послѣдняго мы останавливаться не станемъ, а перейдемъ къ болѣе существенному

16 и 26 октября 1909 г.

Эти номера журнала посвящаю
„Обществу содѣйствія учащимся
въ С.-Петербургѣ сибирякамъ“ въ день
25-ой годовщины его дѣятельности.
Издатель.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Доѣхали. *Я. Полферова.*
2. Поземельное устройство въ вѣдомствѣ Главнаго Переселенческаго Управленія.
3. Очерки сибирской жизни. *Л. К.*
4. Сибирскія письма: 1) Тобольскъ, 2) Омскъ. 3) Кустанай, 4) Иркутскъ, 5) Петропавловскъ.
5. Какъ у насъ обучаютъ сельскому хозяйству (Письмо съ Алтая).
6. Столичныя газеты о Сибири.
7. Хроника.
8. Последнія времена (Путевой набросокъ). *Яковлевича.*
9. Переселеніе въ Бразилію изъ Сибири. *В. К.*
10. Тщетное усиліе. *Тургайского.*
11. Канцелярское творчество. *В. Маерчака.*
12. Тяжелый вѣстъ.
13. Вѣсти съ Чукотскаго полуострова.
14. Къ двадцатипятилѣтію „Общества содѣйствія учащимся въ С.-Петербургѣ сибирякамъ“.
15. Къ 25-лѣтію „Общества вспомошествованія учащимся сибирякамъ въ Москвѣ“. *И. Попова.*
16. Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.

Доѣхали...

Юльскій знойный день. Безконечной сѣро-желтой лентой тянулась Джиланчикская долина, окаймленная вдали невысокими отрогами Ала-Тау. Темно-голубое небо, унизанное по своему куполу ажурными перистыми облачками, едва уловимыми для глаза через раскаленные слои воздуха, яркое полдневное солнце, безпрерывной нитью рока струящееся на горизонтѣ марево, причудливые миражи съ рѣзными башенками готическихъ изображеній, заунывная и такая же безконечная, какъ сама степь, пѣсня моего спутника Харраса, ровный лѣнивый шагъ утомившихся отъ долгаго перехода и зноя лошадей, — все это вызывало какое то томленіе во всемъ тѣлѣ, давило на мозгъ, исключало всякое желаніе перемѣны даннаго положенія. Казалось, такъ и ѣхать бы безъ конца всю жизнь, лишь бы не покидать сѣдла, къ которому зной и усталость плотно припаяли въ теченіе шестичасового переѣзда.

Пѣсня Харраса рѣзко оборвалась. Онъ поднялся на стременахъ, приложилъ руку къ шляпѣ и зорко сталъ всматриваться въ открывшійся вдали миражъ.

— Таксырь, аулъ... Только не Доссъ-Магомета, тотъ ко-
чуетъ по Сукъ-Су, а это какой-то новый...

Я ничего не отвѣчалъ. Харрасъ вопросительно посмотрѣлъ на меня. Я понималъ его желаніе отдохнуть и переждать зной въ прохладной кибиткѣ, но состояніе оцѣпенѣнія не покидало меня.

— Можетъ быть, таксырь отдохнуть желаетъ?

— Хорошо... Отдохнемъ.

Харрасъ припори́лъ иноходца. Мой скакунъ развалистой рысью послѣдовалъ за нимъ.

Черезъ полчаса мы были въ аулѣ, расположившемся вблизи ручья. Кибитокъ было около двадцати.

Скотъ: бараны, лошади и верблюды паслись въ глубинѣ долины, и количество его говорило о зажиточности.

Огромные волкодавы съ лаемъ бросились навстрѣчу. Изъ кибитокъ высыпали киргизы и, группируясь около входовъ, всматривались въ нашу сторону. Харрасъ карьеромъ подлетѣлъ къ самой большой кибиткѣ, стоявшей въ центрѣ аула, молодецки выпрыгнулъ изъ сѣдла, вложилъ поочередно свои руки въ руки соплеменниковъ и сталъ поджидать меня.

— Вотъ, таксырь, неожиданность... Урмамбетъ здѣсь!—весело встрѣтилъ меня джигитъ.

Урмамбетъ былъ старый знакомецъ. Еще въ пору моего перваго пребыванія въ сибирскихъ степяхъ мы подружились, а затѣмъ я встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ. Это былъ типъ идейнаго ходатая за интересы своего народа. Онъ тратилъ послѣднія деньги, не задумываясь ни надъ чѣмъ, разъ требовалась защита правъ, такъ безцеремонно и такъ часто попираемыхъ во имя какихъ-то фантастическихъ проектовъ, десятками измышляемыхъ въ областныхъ и столичныхъ канцеляріяхъ. Единогласное избраніе въ Государственную Думу Урмамбетъ отклонилъ, отказавшись въ пользу своего молодого съ высшимъ образованіемъ родича, но фактически руководилъ изъ степи.

Мы по-пріятельски обнялись и вошли въ кибитку.

— Куда кочуешь, урмамбетъ?

— Въ Китай, таксырь.

— Какъ въ Китай?! Совсѣмъ?

— Совсѣмъ, таксырь...

— Какъ же это ты такъ сразу рѣшилъ?

— Нѣтъ, таксырь, давно мой народъ думалъ объ этомъ. Ходоки были еще до войны съ Японіей и намъ обѣщали. Война помѣшала, а потомъ на Государственную Думу стали надѣяться. Ну, а теперь все пропало. Въ Думу насъ не пускаютъ, земли отобрали совсѣмъ. Скажи, что дѣлать? Самъ, таксырь, знаешь, что нѣтъ того министра, нѣтъ той канцеляріи, къ которымъ мы ни обращались бы съ мольбой разсмотрѣть наше положеніе по справедливости. Только обѣщаютъ, обнадеживаютъ, а ничего не дѣлаютъ.

Урмамбетъ замолчалъ. Кибитка стала наполняться киргизами. Послѣ обычныхъ привѣтствій и полученія положенной чашки ку-

мыса, гости разсаживались кольцомъ вокругъ турсука. Харрасъ тихо перебиралъ струны домбры, время отъ времени напѣвая грустный мотивъ извѣстной былины „Аблай-тамъ“. Глаза его лукаво посматривали на красивую дочку хозяина, разливавшую кумысъ. Степная красавица замѣтила это и стыдливо опускала глаза подъ пылкимъ взоромъ джигита.

Урмамбетъ глубоко вздохнулъ, провелъ рукой по бородѣ и продолжалъ:

— Султаны были—тяжело жилось, но все лучше, чѣмъ теперь, потому знали, что имъ нужно, а если не въ моготу, то по своимъ обычаямъ расправлялись съ ними. Правда, первое время, какъ Орда отошла къ русскимъ, жилось легче, начальство обращалось ласково и давало свободу киргизскимъ обычаямъ. Но вотъ стали править степью такіе начальники, какъ, напри-мѣръ, Б-шъ, К-тъ и Л-ій. Самъ знаешь, какой лисой съ нами прикидывались они. Приѣдутъ въ степь—только и разговору о нашихъ нуждахъ и интересахъ, а послѣ, смотришь, распоряженіе какое-нибудь, нарушающее наши обычаи и интересы. Напри-мѣръ, ввели аульные школы, запретили медресе, преслѣдовали киргизскую грамоту, покибиточную подать замѣнили раскладкой по благосостоянію, суды наши уничтожили, ввели крестьянскихъ начальниковъ... Десятки лѣтъ сѣяли зло такіе начальники. А тамъ наверху что знаютъ про киргизовъ? Только и знаютъ, что мы лѣнивы, горазды воровать, невѣжественный и дикій народъ, зря только хорошія земли засиживаемъ. А если и начнутъ правду писать про насъ, никакого вниманія. Больше своимъ чиновникамъ вѣрять, чѣмъ правдѣ...

— Вотъ и теперь, какое бы начальство ни приѣхало—оно уже знаетъ, что всему, что мы ни говоримъ, на что ни жалуемся—вѣрить нельзя. А что русскій скажетъ—правда. Переселенецъ хорошо понялъ это и выгоду дѣлаетъ. Не успѣетъ начальство изъ таратайки вылѣзть, сейчасъ ему жалобы: и киргизы-то ихъ обижаютъ, и земли-то у нихъ плохія. Подойдешь послѣ этого къ начальнику, а онъ волкомъ такъ и смотритъ, не говорить, а ругается...

— Алла... Солай, солай...

Всѣ понуро смотрѣли въ стоявшія передъ ними чашки съ кумысомъ и тяжело вздыхали, слушая грустную повѣсть про раззореніе своего народа. Только Харрасъ продолжалъ ухаживать и не безъ успѣха: киргизская красавица уже не опускала своихъ

глазъ, а сидѣла вблизи молодого джигита и слушала его комплименты. Однако, какъ только подали баранину, молодой лове-лась измѣнилъ дѣвицѣ, начавшей сдаваться на его лъстивыя рѣчи, и, уютившись рядомъ съ Урмамбетомъ, выбиралъ изъ ча-шки болѣе вкусные куски мяса.

— Русское начальство говорить, — продолжалъ Урмамбетъ, раздавая асату, — что киргизскія земли не приносятъ надлежащей пользы правительству. Это—неправда. Киргизская Орда де-сятки лѣтъ поставляла Россіи скотъ, лошадей, шерсть, кожи, по-купала на миллионы рублей разнаго товара. Кромѣ того, покиби-точная подать не только покрывала всѣ расходы по управленію и содержанію себя, но давала еще большой излишекъ государ-ству чистыми деньгами. Ну, а теперь что? Велика ли польза отъ переселенцевъ? Милліоны рублей правительство тратитъ на коло-низацию и все безъ пользы: переселенцы не богатѣютъ, а толь-ко земли портятъ и уходятъ... Киргизы окончательно раззоре-ны и думаютъ объ уходѣ изъ Россіи, да и на старыхъ мѣстахъ, откуда выселяются переселенцы, не улучшилось, какъ пишутъ въ газетахъ: та же земельная тѣснота, та же бѣдность и нищета.

— Чѣмъ же все это ты объясняешь, Урмамбетъ?

— Чѣмъ, спрашиваешь? У киргизовъ есть пословица: башъ джаманъ—тепте джаманъ... (съ дурной головой—все худо). Если бы большое начальство поменьше слушало разныхъ чиновниковъ, а знало бы нашу жизнь, какъ она есть, а не по красивымъ ха-латамъ прихвостней, которыми окружаютъ себя губернаторы, такъ и не было бы такой неправды. Чиновнику что надо? Выслу-житься, побольше орденовъ да казенныхъ денегъ получить... Смот-ришь, одинъ губернаторомъ сталъ, другой въ сенаторы попалъ, третій десять тысячъ пенсіона получаетъ, а начальство и не зна-етъ, во что обошлось киргизамъ это губернаторство, сенаторство и пенсіонъ. Обиднѣе всего то, что всѣмъ этимъ волкамъ не отолются чаши слезы...

Жара начала спадать... Нужно было ѣхать, чтобы до ночи поспѣть въ аулъ Доссъ-Магомета. Оглянулся — Харраса нѣтъ. Долго онъ не отвѣчалъ на зовъ киргизовъ и, только спустя пол-часа, появился на истокъ ручья, а вдали мелькнулъ красный ха-латъ Айтолконъ, дочери Урмамбета.

Когда аулъ далеко остался позади, провожавшіе меня Ур-мамбетъ и трое почетныхъ киргизъ простились и поѣхали на-задъ.

— Жалко, Харрасъ, что такіе хорошіе люди выселяются отсюда?

— Нѣтъ, таксырь... Вотъ Айтолконъ жалко: славная дѣвка... Бекъ—жаксы дѣвка... Ой-ой, какой горячій дѣвка... А ихъ что жалѣть! Они теперь тутъ не годятся. Вотъ мы—другое дѣло: намъ съ русскими лучше, жалованье получаемъ, каждый день маханъ ашаемъ, на калымъ можно акша скопить. Урмамбетъ—старый человѣкъ, все о правдѣ толкуеть. А по моему гдѣ хорошо, тамъ и правда... Дѣвку жалко, больно хорошій дѣвка...

Рѣзкимъ диссонансомъ только что слышанному въ аулѣ звучали слова моего спутника. Два поколѣнія и — какая пропасть между ними! Старики мечтаютъ о свободной жизни, ищутъ правды, а молодежь—о жалованьѣ, дѣвкахъ... Тамъ идея, тутъ мамона...

Я. Полферовъ.

Поземельное устройство въ вѣдомствѣ Главнаго переселенческаго управленія.

Въ ближайшемъ будущемъ Государственной Думѣ предстоитъ рассмотреть новый поземельно-устроительный законъ для Сибири, созданный втихомолку въ бюрократическихъ тайникахъ и, изъ боязни критики, строго охраняемый отъ гласности.

Было бы весьма кстати, попутно съ разсмотрѣніемъ этого закона, возбудить также вопросъ о томъ, насколько рачіонально осуществленное правительствомъ два года тому назадъ объединеніе переселенческаго и поземельно-устроительнаго дѣла въ Сибири подъ началомъ одного главнаго переселенческаго управленія.

По моему мнѣнію, въ страдательномъ положеніи отъ этого объединенія оказалось поземельно-устроительное дѣло, совершенно аналогично тому, какъ страдаетъ дѣло, попечительства о народной трезвости отъ сосредоточенія его въ однѣхъ рукахъ министерства финансовъ вмѣстѣ съ винной монополіей.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ два дѣла, имѣющія противоположные интересы, ввѣрены попеченію одного и того же вѣдомства, и потому послѣднему, вполне естественно, приходится играть роль служащаго двумъ господамъ и одному изъ нихъ угождать, а другому нерадѣть.

Сибирскіе

Годъ V

№ 44 Вопросы

21 ноября 1909 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Кошмаръ степи. *Я. Полсферова.*
2. О сибирскомъ хлѣбѣ и путяхъ къ его распространенію.
3. Законопроектъ о казенныхъ и земскихъ сборахъ съ сибирскихъ крестьянъ. *Н. Скалозубова.*
4. Государственный взглядъ. *В. С. Е.*
5. Очерки сибирской жизни. *Л. К.*
6. Жизнь сибирскихъ городовъ. *А. Литовцына.*
7. Сибирскія письма: 1) Тобольскъ, 2) Туринскъ, 3) Иркутскъ.
8. Изъ камчатскихъ нравовъ.
9. Хроника.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96

1909.

Кошмаръ степи.

(Набросокъ).

Старый Али вышелъ изъ кибитки, попридержалъ нѣсколько мгновеній лѣвой рукой кошму-дверь, а правой защитилъ слезящіеся глаза отъ яркаго полуденнаго солнца. Тихой старческой поступью онъ подошелъ къ дикому камню, изображавшему жерновъ, сѣлъ на него и сталъ смотрѣть въ даль.

Кругомъ безбрежнымъ моремъ разстилалась степь. Бѣлесоватая ковыльница полосы, чередующіяся съ свѣтлыми солончаковыми лентами, темные отлоги, красноватые скаты буераковъ—все это одѣвало степь въ пестрый нарядъ, сверкавшій, точно брилліантами, слюдовыми и сланцевыми блестками... Голубое небо, все убранный перистыми неподвижными облачками, неизмѣнное въ теченіе многихъ недѣль, обнимало своей глубиной, насыщая воздухъ истомой и зноемъ... Купами вырисовывались причудливые миражи, точно средневѣковые замки съ зубчатыми башенками, съ высокими стѣнами, съ бойницами по угламъ. А кругомъ на горизонтѣ струилось непрерывное марево.

Ни звука... Все мертво... Полуденный зной глубокимъ сномъ парализовалъ людей, загналъ въ овраги и балки табуны, усыпилъ чуткихъ волкодавовъ. Только степной орелъ рѣялъ неподвижной точкой въ выси... Да старикъ Али, точно приросшій къ граниту, устремилъ потухшіе глаза въ раскинувшуюся даль...

Не спится старику. Болитъ его тѣло, а еще больше—душа. Рой неотвязныхъ тоскливыхъ думъ мѣшаетъ спать, и нельзя отогнать ихъ.

Безъ малаго сотню лѣтъ кочуетъ Али по степи. Знаетъ въ ней каждую балку, каждый ручей, каждый камень. Угадаетъ, когда безмолвную тишину смѣнитъ песчаный смерчъ, когда уда-

рить буранъ или настанетъ гололедица. Привыкъ его глазъ къ небу, различаетъ на немъ всѣ фигуры и очертанія облаковъ, узнавая по нимъ смѣну погоды. Давно уже онъ свой человѣкъ во всѣхъ этихъ воздушныхъ замкахъ и отлично знаетъ, что струйчатое марево это—нить Абу-Нирана, которую онъ вьетъ, чтобы завладѣть міромъ... Тысячи дней неизмѣнной чередой уходили куда-то въ даль, на смѣну являлись новые. Тысячи людей нарождались и умирали, исчезая такъ же таинственно, какъ и появляясь на свѣтъ. Вотъ и онъ близокъ къ могилѣ. Мѣсто выбрано, приготовлена сотня кирпичей для „тамъ“, который скоро-скоро будетъ холмикомъ выситься вонъ за той балкой, что темнымъ зигзагомъ прорѣзываетъ свѣтлую полосу солончака. Тамъ древнія киргизскія могилы. Тамъ лежатъ, безъ надежды когда-нибудь снова встать, лучшіе сыны степи, храбрые богатыри, честно бившіеся за свободу своей степи.

Но, вѣрно, Аллахъ не хочетъ, чтобы Али спокойно умеръ въ родныхъ мѣстахъ. Проклятый гауръ-урусъ хочетъ забрать и тутъ земли, хочетъ разорить и его аулъ. По веснѣ прошла партія урусовъ, таща какую-то цѣпь, нацѣвливаясь въ какую-то машину, и вездѣ понарыла ямъ, понабила кольевъ. Показали бы имъ джагалбайлинцы, какъ шлеться тутъ безъ спроса, на чужой правовѣрной землѣ, да самъ волостной Исентай, продавшійся гаурамъ, провожалъ ихъ. А теперь вотъ Садыкъ, старшина аульный, пріѣзжалъ и говорилъ, что отъ уѣзднаго бумага получена, чтобы выселить его, Али, аулъ, потому урусъ-гауръ изъ своего царства сюда жить ѣдетъ. Пошумѣли, покричали сыны джагалбайлинскаго рода, поплакали ихъ жены, да и успокоились. „Ну что же, говорятъ, если начальство гонить, надо уходить, а то еще стрѣлять изъ ружей будутъ, какъ на Бись-Томакъ“.

О, жалкіе трусы!.. Нѣтъ среди васъ Аблая, нѣтъ Кенисара... Остался одинъ Али, который храбро боролся сорокъ лѣтъ тому назадъ противъ русскихъ солдатъ, хотѣлъ сбросить проклятыя цѣпи рабства, да и тотъ вотъ никуда не годится: рука уже не сдержитъ горячаго аргамака, не взмахнетъ ятаганомъ...

— Имъ бы только кумысъ пить, барана ашать, да побольше бабъ имѣть около себя...

Али глубоко вздохнулъ и погрузился въ созерцаніе перистыхъ облачковъ. По движенію сѣдыхъ бровей, сѣрой полоской огибавшихъ надъ глазами дугу, можно было заключить, что мысль старика напряженно работала. По прежнему степь дремотно гре-

зила. По прежнему стервятникъ точкой рѣялъ въ струящемся воздухѣ.

— Алла... Али и одинъ пойдетъ противъ цѣлой орды гауровъ. Пусть Аллахъ знаетъ, что есть еще правовѣрные сыны...

Ночь. Такъ же душно, какъ и днемъ. Не освѣжаетъ и набѣгающій время отъ времени легкій вѣтеръ и только прибрежный камышъ говорливѣе шелеститъ своими пушистыми макушками, нагибаясь къ водѣ. Въ плесѣ Акъ-Су дремотно отражалось звѣздное небо, и когда набѣгалъ вѣтеръ, мелкая зыбъ покрывала плесъ, и звѣзды растягивались въ длинныя свѣтящіяся нити... Кругомъ тишина... Степь спала. Изрѣдка прошумитъ крыльями степной лунь, да послышится шепотъ въ джунгляхъ или глубокой-глубокой вздохъ безбрежной степи.

Вблизи рѣки мелькнула тѣнь. Кто-то неслышно шелъ вдоль берега, внимательно осматриваясь кругомъ. Тѣнь остановилась на минуту, потомъ закачалась и приняла безформенное очертаніе—фигура нагнулась, стала что-то спѣшно работать. Это старикъ Али пытался выдернуть забитый землемѣромъ колъ. Около валялись кирка и лопата. Старикъ рѣшилъ уничтожить межевые знаки. Онъ увѣренъ, что, разъ исчезнуть эти мѣтки злого Абу-Нирана, урусъ не посмѣетъ придти сюда жить. Пусть сдѣлаютъ новые знаки, а ихъ Али опять уничтожить. И такъ до самой смерти онъ не допуститъ, чтобы его степь осквернилъ гауръ. Одноаульцы могли бы сдѣлать это скорѣе, они сильнѣе Али и ихъ много, но они трусы, боятся. „Тюрьма будетъ“,—пригрозилъ Исентай, уѣзжая отсюда. Аульный тоже набѣжалъ и тоже осматривалъ ямки и колья. А вотъ Али уничтожить ихъ — тогда развѣ только шайтанъ скажетъ, кто это сдѣлалъ.

Али схватился старческими руками за колъ и, перегнувшись назадъ, пытался его вытащить. Коль не подавался. Али сталъ раскачивать его въ стороны. Почва зазыбилась. Тяжело дыша, попытался тащить—на вершокъ подался. Потъ грязными струйками сбѣгалъ изъ подъ тибетейки. Халатъ давно валялся рядомъ съ малахаемъ на землѣ. Коль на половину вышелъ изъ своего гнѣзда. Али съ хрипящимъ дыханіемъ напрягъ свои послѣднія силы—коль выскочилъ, и старикъ, ушибленный имъ въ грудь, повалился на спину. Больше онъ не въ силахъ продолжать работу: руки и ноги точно свинцомъ налились, поясница ныла, въ глазахъ зеленые круги.

Каждую ночь выходилъ на работу. Семейные отнеслись къ этимъ ночнымъ походамъ старика совершенно равнодушно, такъ какъ въ обычаѣ стариковъ-мусульманъ уходить по ночамъ для тайной молитвы.

Исентай, въ сопровожденіи чапара, подъѣхалъ къ кибиткѣ Али. Лѣнливо слѣзъ съ лошади, бросилъ поводья на руки одного изъ провожатыхъ и вошелъ въ кибитку. Посрединѣ, гдѣ возвышался большой турсукъ и тѣли куски кизяка, сидѣлъ Али и перебиралъ четки, шевеля губами. Исентай привѣтствовалъ его, но старикъ не шевельнулся. Это не смутило хитраго волостного.

— Завтра урусъ пріѣзжаетъ...

Али вздрогнулъ, но не проронилъ ни слова.

— Скажи своему аулу, чтобъ баранты не дѣлалъ, чтобъ съ урусомъ ладно жить. Начальникъ строго наказывалъ не обижать уруса.

— Будь проклятъ твой начальникъ, будь проклятъ и ты, собака!—зловѣще прошамкалъ Али.

Исентай вздрогнулъ, но постарался скрыть свое смущеніе подъ презрительной улыбкой.

— Каркай, воронъ, пора подыхать...

— Впередъ ты подохнешь, русская собака...

Волостной вышелъ. Лишь только всадники скрылись изъ глазъ въ степной дымокъ, Али схватилъ кирку съ лопатой и направился шатающейся походкой къ рѣчкѣ. Надо спѣшить—еще пять кольевъ осталось не выдернутыми, да столько же ямъ не зарытыми.

Всю ночь проработалъ старикъ, не покладая рукъ. Въ глазахъ темно, въ ушахъ звонъ, ноги сгибаются въ колѣняхъ. А онъ все раскачиваетъ колья, забрасываетъ ямы пескомъ.

Утро. Осталось всегда два кола и двѣ ямы. Но что это? Среди звона въ ушахъ стали попадаться чуждые звуки, какъ бы отъ скрипа телѣгъ и чужой рѣчи. Али выпрямился и сталъ всматриваться вдаль. По берегу рѣки тянулся длинной цѣпью обозъ переселенцевъ. Впереди ѣхала группа верховыхъ киргизъ.

Али задрожалъ. Онъ понималъ, кто это. Съ проклятіемъ старикъ схватился за колъ и неистово сталъ раскачивать его, наваливаясь всѣмъ корпусомъ. Надо скорѣе все выдернуть, а то проклятый урусъ останется тутъ жить. Скрипъ и крики приближались. Но Али не слышалъ ихъ: на двухъ кольяхъ, торчавъ

шихъ поверхъ песчаныхъ холмиковъ, сосредоточилось все его вниманіе, отъ нихъ зависѣла жизнь рода, чистота обычаевъ и святость могилъ... Наконецъ, еще одинъ... На бѣду онъ прочтѣе прежнихъ забить въ солонцеватую почву, или Али выбился изъ силъ...

Обозъ подошелъ... Толпа киргизъ и русскихъ окружила Али и съ любопытствомъ, а дѣти со страхомъ смотрѣли на дряхлаго старика. Искаженное отъ изнеможенія и злобы старческое лицо повернулось къ нимъ. Но черезъ мгновеніе старикъ упалъ на колѣни, обнялъ колъ и впился въ него своимъ беззубымъ ртомъ...

Въ утренней тишинѣ пронесся дикій хриплый крикъ. Толпа невольно отшатнулась.

— Да проклянетъ васъ, собакъ, Аллахъ...

Али навзничъ повалился на песокъ. Судорога пробѣжала по его тѣлу, сжала руки и кулаки... Исентай съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ соскочилъ съ сѣдла, подбѣжалъ къ Али и взмахнулъ нагайкой... Раздался тупой звукъ, но на него не отозвался лежавшій, только грязная рубаха плотнѣе прилегла къ торчавшимъ лопаткамъ...

Старикъ былъ мертвъ.

Я. Полѣбовъ.

О сибирскомъ хлѣбѣ и путяхъ къ его распространенію.

Представленіе о Сибири, какъ о странѣ горной промышленности, часто заставляетъ упускать изъ виду интересы и нужды ея коренного сельскаго населенія, представляющаго въ дѣйствительности самую многочисленную и наиболѣе нуждающуюся его часть.

При всѣхъ естественныхъ богатствахъ Сибири, трудно, однако, при существующихъ условіяхъ, создать изъ нея промышленный районъ. Абсолютное бездорожіе и безлюдіе, огромныя разстоянія между городами, почти не сокращенныя даже проведеніемъ великаго сибирскаго пути, врядъ ли могутъ способствовать широкому распространенію промышленности. Приходится, такимъ образомъ, обратить вниманіе на то, что въ дѣйствительности играетъ самую важную роль въ жизни мѣстнаго сибирскаго населенія. И здѣсь на пер-

Сибирскіе

Шестой годъ.

№ 13

Вопросы

14 апрѣля 1910 г.

С О Д Е Р Ж А Н І Е:

1. Таинчи-Нуль (Изъ сказокъ дѣйствительности). *Я. Я Полферова.*
2. Прежде и теперь. *И. Попова.*
3. Либеральная политика и печать въ Якутской области. *Я. П.*
4. Очерки сибирской жизни. *Л. К.*
5. Сибирскія письма: 1) Томскъ, 2) Красноярскъ.
6. Обзорѣніе русской жизни.
7. Изъ обращеній къ сибирскимъ депутатамъ Государственной Думы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96.

1910.

Таинчи-Куль

(Изъ сказокъ дѣйствительности).

Сѣрая кибитки, беспорядочно раскинувшіяся вблизи озера Таинчи-Куль, небольшими точками вырисовываются среди желто-зеленаго камыша, который узкимъ неравнозубчатымъ бордюромъ охватилъ полуовальную водную котловину.

Дремотно набѣгаетъ водная рябь, чуть слышно шелестя пушистыми верхушками смотрящагося въ озеро камыша. Вдали, сколько глазъ хватаетъ, безконечная степь, рыжая, сухая, выгорѣвшая, давно стравленная, а на горизонтѣ смутно рѣетъ марево.

Спокойно озеро. Спокойны перистыя облака, которыя какъ упали, такъ и бѣлѣютъ на днѣ, чуть шевелясь отъ ряби. Спокойны пески, врѣзывающіеся желтыми языками въ ковыльную степь. И только немолчный шелестъ камыша нарушаетъ мертвенную тишину, только струйчатое марево живить степную даль.

Спокойно рѣетъ коршунъ и глядитъ внизъ на свою плывущую по желтой степи тѣнь. Солнце высоко, неподвижно горячее, ослѣпительное... Трескается изсохшая земля...

Вечерами, когда уйдетъ зной, потухаетъ закатъ, съ востока потянетъ легкой прохладой. Тихонько наступаетъ тихая, мягкая темнота. Съ озера пахнетъ сладковатой сыростью камыша, а со степи запахомъ полыни.

— А-а-а-а...

Ночныя сумерки прорѣзываетъ человѣческій звукъ. Плыветъ пѣсня, да и не пѣсня, а однотонная заунывная фистула, точно кто выдохнулъ тоскливую ноту, и поплыла она въ безконечной степи, вибрируя въ не остывшемъ воздухѣ и ища преграды, чтобы оборваться. Пѣсня безъ словъ, безъ мотива...

Просто душа раскрылась и тянется къ этой тихой задумчивости, къ этой непредѣльности, у которой также нѣтъ словъ, мотива, а есть лишь воспоминанія, далекія, случайныя, подернутыя грустью. Должно быть, ѣдетъ по степи номадь — либо табунъ смотрѣль, либо изъ сосѣднаго аула въ гости направляется; тихо, дремотно переступаетъ степнякъ, очевидно, также отдавшійся во власть мягкой ночи, а сѣдокъ весь погруженъ въ неясныя, самому ему невѣданныя воспоминанія. О чемъ?

Не о томъ ли, какъ столѣтія назадъ вотъ въ такую же темную задумчивую ночь ѣхалъ по степи киргизъ и пѣлъ свое: „а-о-а“... а въ густыхъ заросляхъ камыша у озеръ таились и стерегли косоглазые калмыки. А, можетъ быть, и о томъ, какъ еще недавно здѣсь паслись стада сайгаковъ, а джигиты горячили своихъ аргамаковъ, соперничая съ быстроногими куланами... Нѣтъ, беспощадное время вытравило, вмѣстѣ съ когда то сочной травой и пушистымъ ковылемъ, память о прошломъ. Пѣсня звучитъ безысходной тоской по былому, непредѣльной обидой за настоящее...

Въ кибиткѣ Сарбаса, на грудѣ разложенныхъ пуховыхъ подушекъ — перинѣ, полулежалъ Иванъ Чубаровъ, извѣстный въ степи подъ именемъ уруса Ванка. Еще мальчикомъ онъ наѣзжалъ сюда изъ Казани съ татарами-шибаями, присматривался къ мѣнновой торговлѣ и быстро усвоилъ науку о наивыгоднѣйшемъ пользованіи степной темнотой. Къ тридцати годамъ онъ уже имѣлъ въ укрѣпленіи лавку, гдѣ прочно закабался кочевникъ. А теперь—десятки плутовъ-приказчиковъ шныряютъ по степи, раздавая подъ будущій сборъ всякаго сырья задатки слежавшейся мукой, спитымъ чаемъ, гнилымъ товаромъ, а частью деньгами.

Не безгрѣшенъ Иванъ Чубаровъ и въ сбытѣ фальшивыхъ бумажекъ.

— Таперича у меня орда во...—съ довольнымъ самохвальствомъ говаривалъ онъ, растопыривая пальцы правой руки и медленно сжимая ихъ въ кулакъ.

Чубаровъ съ громкимъ хлопаньемъ тянулъ мутный, коричне-вый чай изъ грязнаго стакана. Сарбасъ сидѣлъ напротивъ съ видомъ ущемленнаго капканомъ шакала: съ губъ не сходила кривая улыбка, а въ глазахъ искрились ненависть и злоба. Дальше у порога на грязной кошмѣ сидѣлъ Жубай, лицо котораго носило

слѣды оспы, отчего было еще свирѣпѣе, еще больше внушая какой-то инстинктивный ужасъ.

— Такъ ты теперь, значить, бѣглый... Такъ, Жубай Жубайчъ... Ну, смотри, кунакъ, меня не трожь, а то опять кандалами загремишь...

Жубай скрипнулъ своими бѣлыми зубами.

— Не скрипи, кунакъ, не испугаешь... Садись-ка поближе, да опрокинь чашку чая, авось повеселѣешь?..

— Ты скажи, урусь Ванка, берешь моего маштака или нѣтъ, а то поѣду въ Жаманъ-Кала продавать...

— Хе-хе... Чудной человекъ ты, Жубайчъ, коли собираешься въ Жаманъ-Кала ѣхать. Пожалуй, вѣдь схватятъ... Ты штемпе-лованный, хе-хе-хе... Ну, а маштака пошто не взять по сходной цѣнѣ... Четвертной билетъ можно... Мало?... Ну твое дѣло... Товаръ твой, а моя честь...

Жубай ударилъ нагайкой по кошмѣ, отчего взвился столбъ пыли, всталъ и молча вышелъ изъ кибитки.

— Хе-хе-хе... Обидѣлся каторжный волкъ... Ничего, сми-луешься, отдашь и за двѣ красненькихъ, некуда дѣваться-то... Ну, Сарбасъ, какъ шерсть?

— Шерсти, кунакъ, копь, да обижаются, что мало даешь— по пятаку съ барана, хотя бы гривенникъ, говорятъ...

— Мало? Ну, такъ пусть подають мои деньги назадъ, что по зимѣ забрали...

— Зачѣмъ сердиться, кунакъ... Прибавь по куску чая (1/4 фунт.) на двадцать барановъ и ладно... А шерсть хорошая— по два, а то и больше фунта съ барана.

— Ну, шайтанъ съ вами... Совсѣмъ барыша нѣтъ... Вы-ручу деньги и уѣду. Орда—орда и есть...

Хитрые глаза Сарбаса забѣгали по кибиткѣ, а чтобы скрыть лукавую улыбку, онъ сталъ творить малый памазь.

Вошла дочь Сарбаса. Стройная и гибкая, какъ лоза, она прошла съ ведромъ молока къ турсуку, возвышавшемуся посреди кибитки. Десятокъ старинныхъ серебряныхъ монетъ, привязанныхъ къ круто заплетеннымъ длиннымъ косамъ, черными змѣйками сбѣгавшими по спинѣ, позванивалъ при каждомъ движеніи степной красавицы. Молча, не торопясь и не измѣняя своихъ плавныхъ движеній, Айтолконъ влила молоко въ турсукъ, взболтала его тяжелымъ пестомъ и, неслышно ступая по мягкой кошмѣ, выскользнула изъ кибитки.

Чубаровъ не спускалъ глазъ съ дѣвушки. Онъ жадно ловилъ каждое ея движеніе, и крупныя губы кривились сладострастной улыбкой. Вся сытая фигура кричала о желаніи обладать Айтолконъ. Это была его давнишняя мечта. Сарбасъ какъ-то съежился, низко склонился къ кошмѣ и водилъ по ней пальцемъ. Онъ зналъ о грязныхъ вожделѣніяхъ своего кунака и боялся ихъ. Сарбасъ зналъ упрямство его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помнилъ про свою закабаленность, свое безсиліе вырваться изъ цѣпкой паутины кулака.

— Слушай, Сарбасъ...—охрипшимъ голосомъ проговорилъ Чубаровъ.

Сарбасъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— Я опять про то... Отпусти ко мнѣ Айтолконъ. Она тамъ за хозяйку бу деть...

— Нѣтъ, Иванъ... Шерстя бери, малъ (скотъ) бери, все бери, а нашихъ женъ и дѣвокъ не трогай.

Чубаровъ позеленѣлъ отъ досады.

— Хорошо... Не хочешь—твое дѣло, только жалѣть будешь... Я хотѣлъ и тебѣ добра, и дѣвкѣ твоей... Ну, мнѣ пора...

Чубаровъ всталъ, перекрестился и сталъ натягивать поддевку.

— Вотъ что, Сарбасъ, — я раздумалъ насчетъ шерсти, брать не буду... Скажи своимъ, чтобъ деньги приготовили, а ты и про вексель припомни, черезъ недѣлю срокъ... Деньги нужны... Хошь...

— Постой, постой, кунакъ... Зачѣмъ сердился, зачѣмъ грозилъ?

Сарбасъ оставался въ прежней позѣ. Чубаровъ застегивалъ послѣдніе крючки своей поддевки.

— Ты просишь у меня дочь... Айтолконъ у меня одна—она и за скотомъ смотритъ, и хозяйство ведетъ, обѣдъ варить...

— Слышалъ, слышалъ... Возьмешь бабу-работницу и работника, а дѣвка твоя въ нарядахъ будетъ... Хочешь тысячу монетъ и вексель порву?.. Нѣтъ? Ну, мнѣ некогда... Такъ приготовь деньги—то черезъ недѣлю, Абдулку пришлю за ними... Тамъ около тысячи, какъ-будто...

Сарбасъ молчалъ. Онъ слышалъ, какъ вышелъ Чубаровъ, какъ охрипшимъ голосомъ отдавалъ приказчику приказанія насчетъ собраннаго скота и сырья... Онъ весь охваченъ ужасомъ, уйти отъ котораго нельзя...

Кибитка огласилась какимъ-то воющимъ звукомъ, перешедшимъ въ истеричныя всхлипыванія... Сарбась катался по кошмѣ, разрывая на себѣ рубаху, и выкрикивалъ проклятія урусу, жизни...

Тихая теплая ночь. Глубокое синее небо, усыпанное крупными брилліантами-звѣздами, точно обняло выжженную степь и хочетъ убаюкать ее сладкой дремотой, заставить позабыть сплошной кошмаръ... Въ джунгляхъ едва уловимый шепотъ камыша... Въ спокойномъ озерѣ переливаются отраженные звѣзды...

На берегу сидятъ Айтолконъ и Жубай. Оба молчатъ. Она устремила свои большіе черные глаза въ темноту ночи, застлавшую степь, а Жубай угрюмо смотритъ на воду, перебирая ремешки нагайки.

— Ты говоришь, Жубай,—прервала молчаніе Айтолконъ,—кочевать отсюда, отъ гяуровъ, а куда пойдешь? Ты одинъ—безъ кибитки, безъ табуна, а у насъ сколько всего. Тамъ тоже бѣда будетъ, и тамъ „шиновникъ“ (чиновникъ) есть... Тутъ весь родъ кочуетъ, всѣмъ бѣда приходится, а тамъ всё чужіе...

— Неправда... въ Хивѣ мусульмане, а не гяуры. Носанъ ушелъ туда, хабаръ есть, что богато живетъ, а пошелъ туда джатакомъ.

— Ступай туда одинъ, Жубай, а мы тутъ будемъ...

— Слопаетъ васъ всѣхъ проклятый урусъ Ванка... Тебя купить и опоганить...

— Молчи, проклятый!..

Айтолконъ вскочила и съ силой откинула свои косы, отчего монеты громко зазвенѣли.

— А-а-а...

Высокая фистула прорѣзала степь. Какой-то тоскующій монотонный мотивъ нарушилъ своей вибраціей тишину ночи и точно спугнулъ покой. Набѣжавшій вѣтерокъ прошуршалъ жесткимъ камышемъ, зазыбилъ озеро, и отраженные звѣзды зигзагами заблѣстѣли по водной ряби.

— Беримжанъ ѣдетъ...— радостно прозвучалъ голосъ Айтолконъ.

— Красивый джигитъ съ сердцемъ куяна (зайца),—насмѣшливо отвѣтилъ Жубай.

— Молчи, храбрый рябой каскръ (волкъ)!..

Пѣсня оборвалась. Фыркнула лошадь. Зашуршалъ камышъ.

Къ говорившимъ подошелъ высокій, стройный юноша. Обнялъ

Айтолконъ, бросилъ обычное привѣтствіе Жубаю, на которое тотъ не отвѣтилъ...

— Обнимаешь свою дѣвку въ послѣдній разъ,—съ злорадной нотой въ голосъ проговорилъ Жубай.—Завтра урусь Ванка въ жены ее возметь... Ха-ха-ха.

— Не лай, рябая собака!..

Айтолконъ подскочила къ Жубаю и впиалась своими пальцами въ его халатъ. Беримжанъ вопросительно смотрѣлъ на эту сцену. Но гнѣвный порывъ степной красавицы мгновенно смѣнился угнетеніемъ, и она безсильно опустилась около Жубая.

— Ты, джигитъ, знаешь, что твою Айтолконъ покупаетъ гяуръ?.. Тысячу монетъ даетъ, всѣ долги прощаетъ... Сарбасъ сначала прогналъ гяура, а вотъ сегодня сталъ уже пугать, что если Айтолконъ не поѣдетъ на хуторъ Ваньки,—они пропали...

Беримжанъ безпомощно опустился на землю и торопливо заговорилъ:

— Нельзя чужихъ невѣсть покупать... Я поѣду къ уѣздному начальнику, жалобу подамъ...

— Ха-ха-ха... Къ уѣздному начальнику! Ванка хвалился, что за урусовъ теперь заступається не только уѣздный, а самъ губернаторъ... Землю отобрали, теперь хотятъ женъ и дѣвокъ въ наложницы забрать... Киргизскія женщины красивыя, урусамъ понравились... Законъ мусульманскій запретають, весь родъ киргизскій изведутъ...

Жубай тяжело дышалъ. Вдругъ быстро повернулся къ Беримжану и, свативши за руку, энергично проговорилъ:

— А вотъ что, Беримжанъ: хватай свою невѣсту, перекинь черезъ сѣдло, да айда въ Хиву! Ну-ка, джигитъ, вспомни Аблая и Кенисару...

Айтолконъ подползла къ Беримжану, охватила руками его шею и съ тайной тревогой стала смотрѣть въ глаза жениху. Но онъ опустилъ ихъ... Руки джигита дрожали...

— Или джигитъ Беримжанъ, котораго любить красавица Айтолконъ, возметь ятаганъ, да и зарѣжетъ гяура, какъ барана? Жубай поможетъ...

Призывъ Жубая остался безъ отвѣта, нѣжная ласка Айтолконъ безъ отклика... Беримжанъ еще ниже опустилъ голову...

— Рабъ!.. Куянь!..—прокричала Айтолконъ, скрываясь въ камышахъ.

Минулъ годъ. Въ камышахъ у Таинчи-Куля не кочуетъ уже аулъ Сарбаса.

Айтолконъ на хуторѣ Ак-су доить коровъ, готовить обѣды рабочимъ, а въ свободное время нянчить черноглазого сынишку. Сарбасъ, продавши дочь, сталъ приказчикомъ у Чубарова. Жубай исчезъ безслѣдно.

По прежнему знойный день смѣняется тихой ласковой ночью, по прежнему заунывная нотка прорѣзываетъ теплый воздухъ, острымъ ножомъ вонзаясь въ грудь погибающаго народа... По прежнему степь въ когтяхъ кошмара...

Я. Я. Полсферовъ.

Прежде и теперь.

Государственная Дума покончила,—худо или хорошо, мы не будемъ говорить объ этомъ,—съ законопроектомъ о мѣстномъ судѣ, и опять Сибирь осталась въ сторонѣ. Всѣ вопросы, связанные съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, для Сибири не могутъ имѣть значенія, потому что тамъ, за исключеніемъ городскихъ думъ, нѣтъ мѣстнаго самоуправления. Между тѣмъ, былъ моментъ, когда вопросъ о сибирскомъ земствѣ, казалось, былъ такъ близокъ къ разрѣшенію.

Высочайшій рескриптъ 3 апрѣля 1905 г. на имя иркутскаго генераль-губернатора гр. П. И. Кутайсова призналъ, что „назрѣвшимъ потребностямъ не отвѣчаетъ болѣе дѣйствующій въ Сибири порядокъ завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ“, и выдвинутыя на очередь задачи не могутъ быть разрѣшены „безъ участія представителей населенія“. Въ виду этого было признано за благо завѣдываніе земскимъ хозяйствомъ „въ предѣлахъ иркутскаго генераль-губернаторства, Тобольской и Томской губерній образовать на плодотворныхъ началахъ общественной самодѣятельности, обезпечивающихъ своевременное удовлетвореніе непрерывно растущихъ запросовъ жизни“.

Разработка вопроса о сибирскомъ земствѣ была поручена гр. Кутайсову, который призналъ полную невозможность разработать канцелярскимъ способомъ земское положеніе въ Сибири, и рѣшилъ созвать губернское совѣщаніе изъ представителей крестьянъ, инородцевъ, городскихъ думъ, делегатовъ ученыхъ обществъ, прессы, представителей казенныхъ

Сибирскіе

Шестой годъ.

№№ 31-32

Вопросы

1 сентября 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Сибирскіе просвѣтители. П. Первый выпускъ. *Артёма.*
2. Тѣни прошлаго (По поводу миссіонерскаго съѣзда въ Иркутскѣ). *Галсана Церенова.*
3. Кризисъ канцелярскаго переселенія. *Статистика.*
4. Переселеніе и съѣзды. *И. Попова.*
5. Пересмотръ устава о золотопромышленности.
6. Мулла Садыкъ. *Я. Полфегерова.*
7. Сибирскія письма: 1) Туринскъ, 2) Красноярскъ, 3) Изъ Туруханскаго края, 4) Нерчинскъ.
8. Камера № 15 (Владивостокскій тюремный замокъ). *М. Мукалова.* Окончаніе.
9. Изъ дневника гимназистки. *Добродушнаго наблюдателя.*
10. Очерки сибирской жизни. *Л. К.*
12. Обзорѣніе русской жизни.
11. Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96

1910.

Мулла Садыкъ.

Сибирскій поѣздъ, глухо громыхая сырими отъ пыли вагонами, медленно подходилъ къ Читѣ. Изъ открытыхъ оконъ выглядывали загорѣлыя лица переселенцевъ, съ любопытствомъ вма-тривавшихся въ новую для нихъ обстановку, съ новыми лицами, обычаями, и дѣлали иногда довольно остроумныя замѣчанія по поводу того или другого подмѣченнаго ими явленія. Особенно сильное впечатлѣніе производили на нихъ крѣпкія фигуры коренныхъ сибиряковъ, которые рядомъ съ щедушными бѣлоруссами, смотрѣли богатырями.

— Сибирякъ—не нашъ братъ житнякъ, онъ пшеничный,—со вздохомъ проговорилъ одинъ изъ переселенцевъ.

Значительная часть пассажировъ торопливо стала выгружать свои пожитки, по обыкновенію безтолково суетясь, благодаря чему въ проходахъ образовались пробки отъ вещей и людей. Только въ одномъ изъ вагоновъ шла планомѣрная выгрузка. Десятокъ вооруженныхъ солдатъ въ грязныхъ рубахахъ выстроился узкимъ проходомъ отъ ступенекъ вагона до одной изъ дверей вокзала. Бравый унтеръ-офицеръ скомандовалъ: „сомкнись!.. подавай!“ Щелкнулъ засовъ вагонной двери, и арестанты стали выходить одинъ за другимъ. Пестрые халаты и тибетейки выдавали ихъ національности: то были киргизы. Впереди шелъ довольно рослый киргизъ. Онъ сразу обращалъ на себя вниманіе большими свѣтлоглубыми глазами, глубоко сидѣвшими въ косоразрѣзанныхъ орбитахъ, длинной до пояса серебристой бородой, длиннымъ шелковымъ бухарскимъ халатомъ, густыми складками ниспадавшимъ на зеленые ичаги. Кандалы глухо загремѣли, когда онъ спускался со ступенекъ вагона.

Это былъ Садыкъ Арунгазыевъ, извѣстный въ малой ордѣ подъ именемъ муллы Садыка. Онъ—ученый мужъ, для котораго нѣтъ неразрѣшимыхъ вопросовъ въ Коранѣ, въ послѣднемъ для Садыка все ясно, все открыто. Онъ—самый справедливый человекъ, и къ нему идутъ за тысячу верстъ для разрѣшенія тяжбъ, и какъ Садыкъ рѣшить, такъ и будетъ. Садыкъ—лучшій акынъ, и слушать его былины, подъ аккомпаниментъ домбры, съѣзжались со всей степи. Пусть онъ всего-на-всего джигитъ-переводчикъ, но отъ этого нисколько не умалялся его престижъ: куда бы и съ кѣмъ ни пріѣхалъ Садыкъ, будь то самъ уѣздный начальникъ,

ауль прежде всего оказывалъ вниманіе муллѣ. На этой почвѣ не разъ разыгрывались комическія сценки.

Пріѣхалъ ротмистръ Ругакинъ на выборы, а съ нимъ и Садыкъ. Киргизы стали подходить къ джигиту съ обычнымъ привѣтствіемъ, послѣ чего протягивали обѣ руки уѣздному начальнику. Гордый ротмистръ, командовавшій драгунскимъ эскадрономъ, не снесъ такой обиды и, заложивъ руки за спину, плевалъ въ протягивавшія къ нему ладони. Аксакалы недоумѣвали. Садыкъ крикнулъ по киргизски:

— Народъ! Не протягивайте уѣздному руки: онъ ихъ сегодня не мылъ и не хочетъ запачкать ваши чистыя руки. Снимайте малахай...

Ротмистръ, не понимая киргизскаго языка, просилъ перевести.

— Я сказалъ, чтобы они не беспокоили начальство сотнями рукъ, вы устали...

— Передай имъ, что они—болваны...

— Народъ! Начальникъ извиняется, что не вымылъ рукъ...

Собравшіеся отлично поняли хитрость Садыка и только усмѣхались...

Садыкъ—послѣдній отпрыскъ когда-то сильной въ Хивѣ династіи Арунгазыевъ. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, хивинскій ханъ Абдурахманъ, боясь соперничества Сафы Арунгазыева, дѣда Садыка, заставилъ его покинуть хивинскіе предѣлы и выселиться въ Малую Орду. Сафа, а потомъ и сынъ его Мустафа пріобрѣли у русскаго правительства огромное довѣріе и почти безгранично правили степью. Когда же въ 60-хъ годахъ вспыхнуло возстаніе въ киргизскихъ степяхъ, Мустафа организовалъ изъ воинственныхъ адаевцевъ партизанскій отрядъ и успѣшно оперировалъ противъ русскихъ отрядовъ. Послѣ подавленія возстанія Мустафа скрылся въ горахъ Ала-Тау и исчезъ безслѣдно. Садыкъ, въ то время десятилѣтній ребенокъ, былъ найденъ спрятаннымъ въ просяной ямѣ и отданъ на воспитаніе своему дядѣ Махмету, приверженцу русско-киргизской партіи. Дядя отдалъ мальчика въ медресе, а потомъ въ мусульманскую академію въ Самаркандѣ. Изъ бойкаго, какъ огонь, горячаго мальчика вышелъ степенный молодой ученый (мулла). Онъ сразу завоевалъ симпатіи своего народа. Къ дядѣ Садыкъ не пожелалъ вернуться и предпочелъ служить джигитомъ. Въ этой скромной роли онъ посѣдѣлъ, немного сгорбилъ и уже мечталъ объ уходѣ на покой

въ урочище Карабутахъ, гдѣ сама природа располагаетъ къ мистицизму, но судьба рѣшила иначе...

На Маманъ-Каргалѣ небывалое скопленіе народа.

— Только во время священной войны Кенисары такой былъ сборъ народа,—вспоминали аксакалы.

На правомъ берегу рѣчки, служившей границей между русскими и киргизскими угодьями, стройнымъ рядомъ вырисовывались большія, покрытыя узорчатыми кошмами, кибитки. Нѣсколько въ сторонѣ дымились котлы, блестѣли на солнцѣ самовары, кастрюли. Тутъ царило оживленіе. Стражники и джигиты суетливо готовили завтраки, обѣды, чистили сапоги, платье. Поодаль, внизъ по теченію, паслись сбатованныя лошади. Въ заводи купались стражники.

Въ центральной губернаторской кибиткѣ—совѣщаніе. Помимо самого хозяина области и его стаи, были уѣздные и крестьянскіе начальники, переселенческіе чиновники и чины землеустроительной коммисіи. По краямъ кибитки, живымъ пестрымъ бордюромъ, правильнымъ полукругомъ сидѣли ордынскія власти.

Губернаторъ, военный генералъ, допивъ послѣдній глотокъ кофе по варшавски (онъ въ Варшавѣ командывалъ бригадой), вытеръ надушеннымъ платкомъ свои холеные усы, причмокнулъ языкомъ и произнесъ, растягивая гласныя *а* и *о*.

— Да-а, господа, намъ предстоитъ выработать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій относительно лѣтенокъ и покосовъ по Маманъ-Каргалѣ. Вамъ уже извѣстно, что киргизы рѣшительно отказались допустить сюда переселенцевъ и прогнали разбойнымъ способомъ три поселка. Правда, они возвратили скотъ, имущество и обѣщаютъ вознаградить за убытки въ суммѣ, указанной самими потерпѣвшими.

— Но, ваше-ство, это не рѣшаетъ вопроса, такъ какъ разъ урочище зарегистрировано подъ переселеніе, оно уже не можетъ быть изъято изъ колонизаціоннаго фонда,—съ надрывомъ въ голосъ перебилъ переселенческій чиновникъ Филоксеринъ.

— Да-а... Конечно... Гм...—смущенно заговорилъ генералъ, побаиваясь столичнаго чиновника.—Такъ вотъ намъ и надо рѣшить, какъ дѣйствовать дальше... Какъ вы думаете, почтенные представители киргизскаго народа?

Почтенные представители, разжирѣвшіе и нажившіеся на счетъ экономическаго угнетенія своихъ сородичей, стали робко переглядываться между собой, косясь на Садыка.

— Сулейманъ, айт (говори)!—послышался шепотъ.

Толстый управитель, снискавшій себѣ популярность тѣмъ, что въ одинъ присѣсть съѣдалъ цѣлаго барана, смущенно мялъ въ рукахъ свой малахай. Потъ градомъ катился по заплывшему жиромъ лицу.

— Нашъ народъ, болосъ, глупый, необразованный народъ, своя польза не понимаетъ... Ми стараемся, болосъ, дѣлать, какъ начальство приказываетъ...

— Солай, солай!—послышались одобряющіе голоса.

— Джаманъ ить (дурная собака)!—громко произнесъ Садыкъ и вышелъ изъ кибитки.

Почтенные представители какъ-то съежились, и ихъ фигуры стали точно меньше.

Уѣздный начальникъ Сукинъ, понимая по-киргизски, порывисто вскочилъ и хотѣлъ выйти слѣдомъ за Садыкомъ, но губернаторъ остановилъ его и просилъ не нарушать совѣщанія.

— Но, ваше-ство, онъ позволилъ...

— Ахъ, оставьте вольнодумствовать, господинъ Сукинъ... Прошу васъ, господа, высказаться... Не начнете ли вы, господинъ Филоксеринъ?—любезно обратился генералъ къ столичному чиновнику.

— Я смѣю предложить почтенному собранію мѣру, испытанную годами въ губерніяхъ, гдѣ наблюдалось подобное аграрное движеніе. Я говорю объ отрядахъ стражниковъ. Если въ каждомъ вновь возникающемъ поселкѣ поставить по 15—20 стражниковъ, то можно быть увѣреннымъ, что подобныхъ настоящему случаевъ нападенія и разгрома не повторится.... Киргизы храбры только съ безоружными...

— Вѣрно... Правильная мысль... Хорошій совѣтъ!—слышалось среди членовъ совѣщанія.

По другую сторону рѣки раскинулись, на сколько хваталъ глазъ, сѣрыя кибитки съ обычной лѣтовочной обстановкой. Всюду видѣлись стада, слышался гомонъ аульной жизни, а фестончатая полоса синеватаго, ѣдкаго кизячного дыма струйчато тянулось въ высь...

Все роды, которые имѣли право на джаманъ-каргалинскія джайляу (лѣтовки), стянулись сюда, чтобы воспрепятствовать захвату ихъ русскими переселенцами. Въ своей святой простотѣ киргизъ не допускаетъ мысли о захватѣ и насилии, разъ его право пользованія и владѣнія освящено вѣками. Не разубѣдили его и

ежегодныя урѣзки земель подѣ переселенцевъ: киргизъ видить въ этомъ только случайныя незаконныя нарушенія его исконныхъ правъ, нарушенія, о которыхъ „бѣлый султанъ“ не знаетъ, а „пиновникъ—тепте каскаръ“ (чиновники—сплошь волки).

Наканунѣ Садыкъ весь день и всю ночь убѣждалъ своихъ сородичей не препятствовать отводу земель, такъ какъ все равно съ помощью солдатъ урусъ будетъ водворенъ. Онъ развернулъ предъ ними картину постепеннаго порабоженія русской властью другихъ народностей, болѣе сильныхъ, чѣмъ киргизы, напр., башкировъ, татаръ и калмыковъ. Рѣчь его была перевита цитатами изъ Корана, которыя доказывали неизбѣжность „временнаго земнаго угнетенія и рабства правовѣрнаго мусульманскаго народа“.

Отъ словъ Садыка вѣяло полной безнадежностью, и они, какъ молотомъ, ударили по бритымъ головамъ собравшихся. Единственное утѣшеніе онъ бросилъ имъ, уходя изъ кибитки:

— Но каждый правовѣрный долженъ помнить завѣтъ Магомета: „мусульманская вѣра не будетъ порабожена, только мусульманину принадлежить мой рай“...

Кибитка Хуссеина, старѣйшаго представителя рода Джагалбайлина, полна киргизами - аксакалами. Кричали всѣ разомъ; отчаянно жестикулировали, ударили по полу малахаями, хлопали по бедрамъ длинными рукавами халатовъ.

— Губернаторъ велѣлъ сейчасъ отвѣтъ дать,—заявилъ чапаръ,—иначе стражники разгонятъ всѣ кочевки и будутъ стрѣлять.

Вошелъ Садыкъ. Всѣ умолкли. Спокойное лицо муллы на всѣхъ дѣйствовало подавляющимъ образомъ, и если у кого порой являлось горячее желаніе протестовать противъ неземной философіи Садыка, то при взглядѣ на его окаменѣлое лицо слова замирали и не шли съ губъ.

— Алла...—громко вздохнулъ Садыкъ.

— Алла...—пронеслось по кибиткѣ.

Снова молчаніе. Снова всѣ погрузились въ какое-то самосозерцаніе.

— Урусъ будетъ здѣсь,—нарушилъ молчаніе Садыкъ.—Поставятъ солдатъ для охраны, тогда совсѣмъ будетъ плохо. Солдаты обижаютъ будутъ насъ. Надо сказать губернатору, что солдатъ не надо, что киргизы больше не тронуть уруса.

По кибиткѣ пронесся тяжелый вздохъ.

Пестрой шеренгой выстроилась предъ губернаторской кибиткой

депутация отъ ауловъ, владѣющихъ жаманъ-каргалинскими джейлау. Впереди стоялъ Садыкъ, какъ почетный представитель.

Уѣздный начальникъ Сукинъ, вытирая потъ съ покраснѣвшей лысины, приблизился къ выборнымъ и сощуриль свои мышиные глаза.

— А ты зачѣмъ здѣсь?—обратился онъ къ Садыку.

— Я отъ народа...

— Всякій паршивый джигитишка въ депутаты лѣзетъ... Скоро мой конюхъ Ахметка къ губернатору сунется... Пшелъ вонъ!

— Меня народъ послалъ съ губернаторомъ говорить,—невозмутимо отвѣтилъ Садыкъ на киргизскую брань начальника.

— Ахъ ты рвань киргизская, сволочь воровская... Эй, вы джигиты, въ нагайки его!..

Сукинъ схватилъ Садыка за рукавъ шелкового халата и силится оттащить въ сторону. Мулла взялъ его за руку и слегка оттолкнулъ отъ себя.

— Зарублю!..—изступленно закричалъ Сукинъ и выхватилъ изъ ноженъ саблю.

Лицо Садыка какъ-то перекосилось. Лѣвой рукой онъ схватилъ клинокъ сабли, а правой ударилъ Сукина по головѣ. Это послужило точно сигналомъ: толпа ринулась къ губернаторской кибиткѣ... Садыкъ на мгновенье замеръ, но тотчасъ же понялъ моментъ и первымъ вбѣжалъ въ кибитку.

— Спасайтесь!—крикнулъ онъ и сталъ рѣзать связи кибитки и кошму. Всѣ поспѣшили выскочить въ дыры, продѣланныя Садыкомъ, и, когда въ дверяхъ показались первые киргизы, кибитка была пуста. Только блѣдный Садыкъ стоялъ около стѣны, опираясь на спинку кровати... Чиновники, во главѣ съ губернаторомъ, рысцой трусили къ бивуаку стражниковъ, около которыхъ уже суетился уѣздный начальникъ Сукинъ.

Точно свора голодныхъ гончихъ врѣзался отрядъ стражниковъ съ шашками на голо въ безоружную толпу киргизъ и началъ ее крошить. Напрасно Садыкъ и оксакалы кричали, что бунта нѣтъ, что все успокоилось — въ отвѣтъ имъ сыпались сабельные удары...

Земляничка—ягодка
Во бору родилася,
Во деревнѣ выросла.
Гей, гей! Милая моя,
Чернобровая была...—

гарланили стражники, пересѣкая ковыльную степь... За отрядомъ скрипѣли киргизскія арбы, запряженные верблюдами... Онѣ нагружены были ранеными „бунтарями“...

Я. Полуберовъ.

Сибирскія письма.

Туринскъ (*Крестъянскіе платежи и повинности*). Сельское населеніе нашего уѣзда уплачиваетъ губернскаго земскаго сбора 40,403 руб. 95 коп. и 107,510 р. государственной оброчной подати.

Хотя губернскій земскій сборъ повысился сравнительно съ прошлымъ трехлѣтіемъ почти на 30% и приблизительно такое же увеличеніе ожидается и въ будущемъ,—удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей (сельская медицина, народное образованіе, ветеринарія и пр.) находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Мы имѣемъ необычайную смертность, непрекращающіяся эпидеміи и эпизоотіи, громадный процентъ безграмотныхъ и пр., и пр. Мало того, такое важное дѣло, какъ дорожное, совсѣмъ не входитъ въ рубрику потребностей населенія, удовлетворяемыхъ за счетъ губернскаго земскаго сбора. Оно составляетъ натуральную повинность населенія, и отбываніе ея прибавляется тяжелымъ плюсомъ къ губернскому земскому сбору.

Но этимъ не исчерпываются еще натуральныя повинности, падающія на сибирское крестьянство. На его плечахъ лежатъ еще: земская ямская гоньба, содержаніе земскихъ квартиръ, этапная повинность, содержаніе волости и пр.

Въ концѣ концовъ, эти въ принципѣ натуральныя повинности перекладываются на деньги—мірской сборъ. Но на плечахъ крестьянъ лежитъ еще отбываніе повинности въ качествѣ старшинъ, старостъ и др. должностныхъ лицъ, а также сельской полиціи въ лицѣ сотскихъ и десятскихъ. Затраты на отбываніе этой повинности (жалованья не полагается) учесть очень трудно.

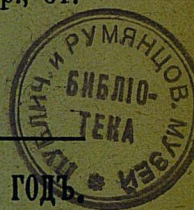
Въ Европейской Россіи дорожное дѣло находится въ рукахъ земствъ, затрачивающихъ на это большія суммы и располагающихъ техническимъ персоналомъ. И если тамъ не прекращаются жалобы на плохое состояніе дорогъ, то что же говорить о нашихъ мѣстахъ...

1289
XX $\frac{9}{2}$
Для лицъ, желающихъ получать журналъ въ Петербургѣ, подписка принимается въ конторѣ типографіи Альтшулера —
Фонтанка, 96 и

въ книжномъ магазинѣ И. И. Митюрникова — Литейный пр., 31.
Тутъ же розничная продажа номеровъ.

Сибирскіе

Седьмой годъ.

346
№№ 15-16

Вопросы

1 мая 1911 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Фатъма. *Я. Полферова.*
2. Расходы на агрономическую помощь въ Сибири *Н. Скалозубова.*
3. Сибирская старина. *В. С. Е.*
4. Законопроектъ о сибирскомъ землеустройствѣ въ Государственной Думѣ. *Н. С.*
5. Проектъ разрушенія общины въ Сибири, *Н. Скалозубова.*
6. Сибирскія письма: 1) Туринскій уѣздъ, 2) Тобольскъ, 3) Красноярскъ, 4) Иркутскъ.
7. Причины и слѣдствія. *Крестьянина-сибиряка.*
8. Очерки сибирской жизни. *Л. К.*
9. Среди сибирскихъ дѣльцовъ. *Сурина.*
10. Штрихи якутской жизни. *В. Кисловскаго.*
11. Обзорѣніе русской жизни.
12. Въ чемъ проявляется самобытная дѣятельность переселенческой организаціи. *Н. Скалозубова.*
13. Въ Петербургскомъ сибирскомъ собраніи.
14. Хроника.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.

1911.

Ф а т ь м а.

Беркимбай только что совершил вечерній намазъ и приготовился выпить передъ сномъ добрую чашку шубата, какъ до его слуха долетѣлъ отдаленный топотъ скачущей лошади.

Онъ поставилъ чашку на кошму и прислушался.

— Не Мираля... Его конь не такъ бѣгаетъ—шайтанъ, а не конь...

Онъ натянулъ на плечи спадавшій халатъ и остался неподвиженъ.

Топотъ, еще ясно не опредѣлившійся, оборвался, и снова наступила тишина...

Беркимбай встревожился.

— Только злой человѣкъ далеко отъ кибитки бросаетъ коня и шакаломъ подкрадывается къ добычѣ...

Кусокъ кошмы, закрывавшій входъ, приподнялся, и въ кибиткѣ показался сначала малахай, изъ-подъ котораго, точно угли, сверкнули глаза, а потомъ и вся гибкая фигура молодого киргиза.

Однимъ прыжкомъ онъ очутился около Беркимбая, застывшего отъ неожиданности...

— Урузбай!.. Откуда тебя, собаку, шайтанъ принесъ?—прохрипѣлъ Беркимбай, съ ужасомъ смотря на прибывшаго.

— Изъ проклятой страны уруса, куда вы, бай-тарантулы, загнали меня...

Беркимбай отрицательно мотнулъ головой.

— Забылъ?!—прошипѣлъ Урузбай.—Тридцать разъ мѣсяцъ уплывалъ, тридцать разъ азанчи выкрикивалъ его появленіе, тридцать разъ великій Хазретъ свой намазъ совершалъ, а мы томились въ проклятыхъ болотахъ, оторванные отъ родной степи, отъ

своихъ ауловъ... А гдѣ наши стада?! Вы, шайтаны, слуги русскихъ, забрали ихъ, сдѣлали нашихъ родственниковъ джатаками... Все забылъ? Ну, такъ я напомню...

Урузбай снялъ малахай, поправилъ тибитейку и продолжалъ:

— Помнишь, мы кочевали на Иссыкъ-Куль, вмѣстѣ съ родомъ Табынъ. Храбрый этотъ родъ съ Адая бились въ рядахъ Кенисары противъ гяуровъ... Былъ у нихъ акынъ, славный Досъ-Магомбетъ, внукъ Насымбая. И пѣлъ онъ, что скоро пѣлыя стаи шакаловъ нападутъ ночью на табуны вольныхъ аргамаковъ. Храбро будутъ отбиваться молодые аргамаки, не одного шакала на смерть положить ихъ сильное копыто. А старые зажирѣвшіе жеребцы, которые только и знали, что изъ-за кобылицъ дрались, испугаются, заберутъ кобылицъ и скроются въ оврагахъ... Погибнутъ всѣ сильные молодые аргамаки, на каждого изъ нихъ по косяку шакаловъ придется, и станутъ потомъ кобылицы родить только однихъ куюновъ...

— Такъ пѣлъ мудрый Досъ-Магомбетъ, и мы понимали, о чемъ онъ поетъ, а вы, бай, смѣялись...

Не успѣлъ молодой мѣсяцъ сбросить своихъ блестящихъ роговъ, какъ на наши лѣтовки хлынула орда урусовъ... Стали пришельцы пахать наши пастбища, косить нашу траву...

Табуны и стада кайсаковъ погибали...

Вы, бай, съ поклонами пошли, просили милости... Забыли, чьей кровью степь полита... А мы ночью сдѣлали баранту, скотъ въ джунгляхъ попрятали... Урусъ испугался, какъ кунянь, и хотѣлъ бѣжать... Начальство прискакало, кричало—и вы, бай, выдали всѣхъ насъ... Вспомнилъ теперь?

— Я ничего не сказалъ губернатору...—проговорилъ Беркимбай, котораго била лихорадка во время разсказа Урузбая.

— Врешь, жирная собака... Ты, Носанка да Ахметка сказали про насъ... Носанку и Ахметку мы зарѣзали...

— Ой, оппромой...

Беркимбай съ искажившимся лицомъ повалился на подушки.

— Меня послали зарѣзать тебя...

Урузбай посмотрѣлъ на бившагося въ судорогахъ бая, усмѣхнулся и продолжалъ:

— Не плачь, старая баба,—не стану тебя рѣзать.

Тебя нельзя убивать: ты отецъ Фатьмы, а отца ея убивать нельзя...

Беркимбай поднялся, недовѣрчиво посмотрѣлъ на Урузбая.

Тотъ низко опустилъ голову и задумался.

— Урузбай, твоя голова большая...—проговорилъ Беркимбай, натягивая халатъ на плечи.

— А гдѣ твоя дочь Фатъма?— вмѣсто отвѣта спросилъ Урузбай.

— Пропала Фатъма—утонула въ Иссыкъ-Куль... На берегу нашли поясъ... Это случилось черезъ три новолунія послѣ вашего набѣга...

— Утонула... — не поднимая головы, тихо проговорилъ Урузбай.

Пронесся плачущій крикъ совы... Въ воздухѣ что-то задрожало, пронеслось тихимъ переливчатымъ эхомъ... На озерѣ откликнулась выпь... Снова мертвая тишина окутала степь.

Урузбай выпрямился, скользнулъ по фигурѣ Беркимбая и сказалъ:

— Не утонула Фатъма, а ко мнѣ прилетѣла... Много мукъ вынесла моя газель, пока прошла все царство урусовъ. Много разъ нападали на нее проклятые люди и сажали въ тюрьму. Все-же она нашла меня и стала моей женой... Начальникъ того города, въ которомъ меня держали, хорошій былъ человекъ, взялъ меня кучеромъ, а Фатъма за его дѣтьми смотрѣла. Родился у насъ Али. Но недолго прожила моя газель... Проклятый воздухъ—зимой холодно, какъ во льду, лѣтомъ душно, какъ въ сундукѣ... Кругомъ лѣсъ да болото.

Стала Фатъма тосковать, грудь стала болѣть и все про-степъ говорила:

„Смотри, Урузбай — добрый Фери пробѣгаетъ по ковылю, играетъ его пушистыми верхушками.. А слышишь, какъ шепчутся въ джунгляхъ души нашихъ предковъ. А вотъ и тургаи заливаются въ тепломъ воздухѣ, трепеща своими крылышками... Какіе красивые минареты видны вдаль, большіе караваны подходятъ къ нимъ, навьючены тканями, коврами...“

Часто просила меня поиграть на домбрѣ и спѣть про степь, а сама около сидеть, закроется фатой и рыдаетъ...

А то выскочить въ поле, найдетъ табунъ овецъ и цѣлый день смотреть на нихъ...

Таяла Фатъма, какъ снѣгъ съ холмовъ, подъ жгучими лучами солнца...

„Слушай, Урузбай,—сказала она, когда духъ смерти пришелъ за ней,—отвези Али къ отцу, пусть растеть въ степи, здѣсь онъ

погибнуть, здѣсь злой паръ выходитъ изъ болотъ и грудь гнѣтъ... Скажи матери, чтобы она дала Али нѣжное тѣло, красивое лицо, а ты вложи въ него сердце батыря“...

Въ байрамъ Фатьма умерла... Схоронилъ я ее на лужайкѣ, положилъ два камня...

Урузбай замолкъ и закрылъ лицо руками...

Беркимбай туло смотрѣлъ на потухшій очагъ, и время отъ времени слышались его вздохи съ неизмѣннымъ „Алла...“

— Гдѣ мальчишка твой?—спросилъ онъ, послѣ долгаго молчанія.

— Али?..—простоналъ Урузбай.—Не будетъ въ степи храбраго джигита съ сердцемъ батыря...

Онъ ударилъ ногойкой по кошмѣ.

— Въ байранъ мы отпраеились погулять. Лошади были уже готовы. На другой день мы скакали далеко отъ проклятаго города. Али сидѣлъ у меня въ торбѣ за спиной... Добрались до Туры. Родная степь была близко и вѣтеръ доносилъ до насъ шумъ ауловъ. Мы радовались, что скоро услышимъ родной говоръ, ржанье аргамаковъ, блеянье овецъ...

Мы боялись ѣхать днемъ мимо русскихъ селеній, пережидали гдѣ-нибудь въ оврагахъ, а ночью скакали. На берегу Иртыша, въ заросляхъ тальника мой конь зацѣпился за корень, упалъ и выбросилъ меня изъ сѣдла. Спиной я придавилъ своего маленькаго Али, и онъ тутъ же умеръ...

Урузбай закрылъ лицо малахаемъ, покрутилъ головой и съ злобой проговорилъ:

— Проклятый урусъ, пока я живъ—буду мстить тебѣ...

Прощай, Беркимбай!.. Ласкай своихъ женъ, ѣшь вкусное мясо жеребенка, любуйся своими табунами и помни, что вы, бай, продали кайсацкую степь... Я не зарѣзалъ тебя, но другой такой джигитъ, какъ я, не пощадитъ твоей жирной шеи...

Урузбай вышелъ изъ кибитки. Темная тѣнь шарахнулась въ сторону. Закутанная фатой фигура женщины бросилась къ нему и зашептала:

— Это я, Мона... Я слышала все... Моя Фатьма, звѣздочка блестящая... Одна была...—Она взяла въ ротъ конецъ фаты и, заглушая рыданья, спросила:

— Урузбай, она говорила про свою мать?

— Часто говорила, Мона... Часто влетала твои блестящія монеты въ свои черныя косы, часто напѣвала твои пѣсни...

Звѣзды начали блѣднѣть, меркнуть... Млечный путь едва уловимой дымкой опоясывал небосклонъ... Отъ озера потянулъ влажный вѣтерокъ, и камыши зашелестѣли своими жесткими перьями... Выпь простонала во снѣ... Гдѣ-то звонко заржалъ жеребенокъ...

Дробный топотъ лошадей прорѣзалъ просыпающуюся степь. Трое всадниковъ галопомъ вскочили на холмъ, осадили коней, посмотрѣли кругомъ и скрылись въ лощинѣ...

Мона махнула имъ фатой...

Я. Полферовъ.

Расходы на агрономическую помощь въ Сибири.

Золото, золото падаетъ съ неба...

На агрономическія предпріятія въ Россіи вообще, въ Сибири въ частности, посыпался золотой дождь. У меня передъ глазами журналъ Тобольскаго агрономическаго совѣщанія 10—17 января с. г.

По смѣтѣ этого совѣщанія на губернію испрашивалось (и, кажется, отпущено) 120.386 р. на 1911 годъ.

На всю Сибирь, какъ извѣстно, по одной смѣтѣ переселенческаго управленія должно быть отпущено полмилліона, не считая ассигнованій по департаменту земледѣлія.

Цифры для агрономіи неслыханныя. Ассигнованія,—громадныя и обязывающія отнестись къ употребленію ихъ съ величайшей осторожностью.

Чтеніе журнала Тобольскаго совѣщанія и просмотръ смѣты наводятъ, однако, на нѣкоторыя печальныя размышленія.

Прежде всего составъ совѣщанія. Изъ представителей самого сельскаго хозяйства участвовали лишь двое: К. С. Колмаковъ отъ Ялуторовскаго отдѣла Московскаго общества сельскаго хозяйства и крестьянинъ А. И. Удальцевъ отъ Суерскаго сельско-хозяйственнаго общества. Голосъ самого населенія, такимъ образомъ, представленъ былъ для такой громадной губерніи, какъ Тобольская, пропорціонально къ общему числу членовъ совѣщанія очень слабо.

Можно поэтому всю отвѣтственность за смѣту и предположенія цѣликомъ возложить на представителей вѣдомствъ внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія.

Совѣщаніе съ мѣста въ карьеръ уже намѣтило массу

289
346
Для лицъ, желающихъ получать журналъ въ Петербургѣ, подписка принимается въ конторѣ типографіи Альтшулера—Фонтанка, 96 и

въ книжномъ магазинѣ И. И. Митюрникова—Литейный пр., 31.
Тутъ же розничная продажа номеровъ.

Сибирскіе

Седьмой годъ.

№№ 20-21

Вопросы

9 Іюня 1911 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Нуянь-жилъ (Набросокъ). *Я. Полсѣрова.*
2. Байналъ. Стихотвореніе *М. Вакара.*
3. Красный Крестъ въ переселенческихъ районахъ. *Н. Скалозубова.*
4. Переселенческіе Перельструзы. *М. Колобова.*
5. Нѣсколько цифръ о числѣ средне-учебныхъ заведеній въ Сибири. *Н. Скалозубова.*
6. Сибирскія письма: 1) Туринскъ, 2) Томскъ, 3) Ачинскъ, 4) с. Амга.
7. Очерки сибирской жизни. *Л. К.*
8. Проектъ передвижной кустарной выставки въ Восточной Сибири. *Н. С.*
9. Какъ бы не повторилась старая исторія. *Л. Пантелѣва.*
10. Сибирскіе вопросы и Думскіе отвѣты. *М. Аронова.*
11. Изъ сельскохозяйственной хроники Сибири. *Н. Скалозубова.*
12. Сибирскіе хулиганы.
13. Изъ переселенческихъ авантюръ (Письмо изъ Томска).
14. Обзорѣніе русской жизни.
12. Библіографія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.

1911.

Куянь-жилъ.

(Набросокъ).

Лиловатой дымкой окутана степь. Отвѣсные лучи мѣдно-краснаго солнца едва пробивали мгlistую вуаль облаковъ, оставляя на бѣлесоватыхъ солонцахъ грязныя пятна... Воздухъ, напоенный истомой и зноемъ, пропитанный мелкой растительной пылью и пескомъ, былъ неподвиженъ... Не звенѣли въ воздухѣ веселые жаворонки, не рѣяли коршуны, не слышно было ихъ хищнаго клекота... Все замерло...

„Куянь-жилъ“... — шепчутъ иссохшія губы кочевника, жадно прильнувшего, было, къ ручью, еще недавно весело гремѣвшему на днѣ оврага, а теперь оставившему только влажный илистый слѣдъ.

„Куянь-жилъ“... — летитъ изъ края въ край безпредѣльной степи, и все живое бѣжитъ прочь отъ ужаснаго бича, а кто не можетъ, покорно отдаетъ себя на волю Аллаха...

„Куянь-жилъ“... — шелестятъ жесткія пожелтѣвшія перья камышевыхъ зарослей и слышится явственный попотъ джунглей, въ которомъ чуткое ухо степняка улавливаетъ стenanье духовъ и злорадный смѣхъ Абу-Нирана...

Жгучій порывъ вѣтра поднимаетъ столбъ раскаленнаго песку, иссохшій кустъ перекаати-поле вертящимся колесомъ пробѣгаетъ по степи и превращается въ мелкій соръ...

Напрасно табуны, стада и отары бродятъ огромными пятнами по оврагамъ въ поискахъ воды — изсякли всѣ сая... напрасно верблюдъ втягиваетъ въ свои рваныя ноздри волны воздуха, чтобы уловить признакъ влаги — знойная струя жжетъ внутри носа и животное уныло опускаетъ лебединую шею, а свѣсившійся горбъ, точно пустой бурдюкъ, еще ниже повисъ... Всюду валялись

трупы и ночью вокругъ нихъ сверкали бѣгающими искрами десятки глазъ шакаловъ и гіенъ, этихъ могильщиковъ степи...

Въ кибиткахъ тихо. Тутъ витаетъ смерть... Дѣти, еще недавно окрипшими отъ плача голосами просили пить, еще вчера кусавшія груди, не дающія уже ни капли молока, лежатъ теперь вповалку на кошмахъ и безучастно смотрятъ на блѣдныя лица матерей...

Богатые кочевники давно ушли со своими стадами на сѣверъ и тамъ вблизи рѣкъ и русскихъ городовъ переживаютъ ужасное лѣто, а кто остался и имѣетъ еще сотню-другую барановъ, рѣжетъ ихъ и утоляетъ жажду теплой кровью, а голодь—вялымъ мясомъ... Бѣдняки, а ихъ больше стало съ тѣхъ поръ, какъ урусъ сталъ отбирать лучшія земли кайсаковъ, не могутъ ни уйти, ни питаться кровью и мясомъ. Все, что можно, вплоть до сырыхъ кожъ, съѣдено, обглодано и обсосано...

Хаджи Сарбасъ медленно перебиралъ черныя четки.

Старческія губы что-то шептали, и изрѣдка съ нихъ срывался тяжелый вздохъ: „Аллахъ-акберъ“...

Группа киргизовъ въ новыхъ ситцевыхъ халатахъ окружала Хаджи и почтительно вслушивалась въ непонятный шопотъ старика.

О! Хаджи уменъ, какъ самъ фери Азранъ, отъ его глазъ не скрыто и то, что лежитъ давно въ могилахъ, и то, что идетъ въ степь издалека... Хаджи знаетъ, откуда выплываетъ златорогіи мѣсяцъ и куда онъ скрывается, Хаджи говоритъ имъ, какіе были батыри изъ кайсаковъ, когда въ степяхъ жили одни фери... Теперь онъ рассказываетъ имъ про „куянъ-жилъ“...

„Давно это было,—шептали губы Сарбаса.—Давно... Великій Аллахъ еще не посылалъ къ намъ своего Пророка и наши предки, славные кайсаки, не кочевали здѣсь... На высокихъ вершинахъ паслись стада лѣтомъ, спускались въ долины зимою... Мясо варилося въ котлахъ постоянно, кумысомъ былъ полонъ бурдюкъ въ каждой жуламейкѣ... Не слышали наши предки плача, не произносили проклятій... Пѣсни акыновъ разносили по горамъ и степямъ, какъ счастливо живутъ кайсаки, какія у нихъ стада, какія красивыя женщины...

„Дошли эти пѣсни до злого узбека Иткара. Всѣ народы-покорилъ онъ и всѣ стада отобралъ у нихъ... Помогалъ ему самъ Абу-Ниранъ... Лишь только услышитъ про народъ, который живетъ счастливо, какъ барсомъ подкрадывается и убиваетъ муж-

чинъ и старухъ, а красивыхъ дѣвушемъ и стада забираетъ себѣ...

„Въ великій день поклоненія Азрана кайсаки устроили скачки... Со всѣхъ концовъ съѣхались джигиты и батыри на аргамакѣхъ быстрѣе вѣтра. Кумысь лился изъ бурдюковъ рѣкой... Сотни барановъ варились въ котлахъ... Аксакалы сидѣли на кошмахъ, дѣвушки танцевали въ кругу...

Проклятый шакалъ Иткарь притаился за высокой горой... Скрылись джигиты и батыри, перегоняя одинъ другого... Коршунѣмъ налетѣлъ узбекъ съ своими шайтанами, перекололъ аксаковъ длинными пиками, дѣвушекъ приторочили къ сѣдламъ, угнали стада...

„Прискакали джигиты и батыри... Ихъ отцы, ихъ аксакалы перерѣзаны, какъ бараны, ихъ красавицъ-невѣстъ увели, ихъ стада и табуны угнали... На взмыленныхъ аргамакѣхъ бросились въ погоню и... не вернулись въ свои кибитки...

„Не успѣлъ мѣсяцъ смѣнить своихъ золотыхъ роговъ, какъ проклятый узбекъ прислалъ сказать кайсакамъ, чтобы они пригнали ему отъ каждой кибитки по лошади и барану, привели десять самыхъ красивыхъ дѣвушекъ... „Не исполните моего повелѣнія—самъ приду и перерѣжу всѣхъ“...

„Задумались кайсаки... Спросили мудраго аксакала Гирея... —„Далеко-далеко отсюда, тамъ, гдѣ нѣтъ горъ и долинъ, гдѣ видна вся земля, гдѣ ковыль растетъ выше человѣка, гдѣ тургай поетъ день и ночь,—туда отъ проклятаго узбека надо бѣжать. Надо всему кайсацкому народу идти туда. Снова наши табуны будутъ гулять по степи, снова дѣвушки цвѣсти красотой, снова акыны будутъ пѣть про славныхъ батырей кайсацкихъ“...

„Такъ сказалъ Гирей... Поднялись всѣ кайсацкіе аулы и пошли въ степь тургаевъ. Фері Азранъ велъ ихъ, пока не скрылись изъ глазъ высокіе шиханы, а какъ перешли Иртышъ и вступили въ степь, фері покинулъ свой народъ—онъ не властенъ тутъ...

„Долго шли кайсаки степью, истомились безъ воды... Аргамакі чуть-чуть шли, табуны рѣдѣли, жены и дѣти плакали... Стали кайсаки просить Бога указать имъ путь къ водѣ... Утромъ передовые джигиты увидали льва... Сначала хотѣли убить его, но онъ тихо пошелъ впередъ, и къ вечеру кайсаки поили своихъ аргамакѣвъ, свои стада и сами пили до утра. На другое утро

джигиты увидѣли лошадь, которая, какъ и левъ, тихо пошла впередъ, и вечеромъ аулы разбили свои кибитки около ручья.

Такъ шли кайсаки одиннадцать дней... и каждое утро являлся посланникъ Аллаха и указывалъ воду. На двѣнадцатое утро джигиты увидали куяна (зайца). Прижалъ онъ длинныя уши и запрыгалъ. Пошли не по ковылю, а по сорамя (солонцамъ)... Солнце жгло, какъ огнемъ... Измучились всѣ и ждали, когда наступить вечеръ... Вечеромъ подулъ вѣтеръ и пыль забила всѣ глаза... А куянь прыгалъ и прыгалъ... Настало второе утро. Кругомъ одни соры... Травы нѣтъ, воды нѣтъ... А куянь прыгаетъ и прыгаетъ... Прошло три дня. Вѣтеръ гвалъ на кайсаковъ песчаные столбы, засыпалъ табуны. Народъ умиралъ отъ жажды... На четвертый день снова явился левъ, разорвалъ куяна, и къ вечеру кайсаки жадно пили воду изъ кудуковъ, поили остатки своихъ табуновъ...

„Такъ черезъ каждые одиннадцать годовъ, въ которые всемогущій Аллахъ посылаетъ своему народу хорошую траву, оберегаетъ его стада отъ бурановъ и волковъ, наступаетъ двѣнадцатый годъ—годъ жута, бѣдствія *)...“

По прежнему мглистой сѣткой окутанъ горизонтъ... Выжженная степь растрескалась отъ зноя, точно раскрыла, томимая жаждой, свой зѣвъ... Табуны и стада понуро стоятъ, сбившись въ кучу на днѣ оврага. По прежнему въ кибиткахъ витаетъ голодная смерть...

— Аллахъ-акберъ... Аллахъ-акберъ...—падаетъ съ высокаго покосившагося деревяннаго минарета сильный голосъ старика муллы и слабыми обрывками разносится по аулу...

„Куянь-жилъ“... „Куянь-жилъ“... несетъ въ отвѣтъ жгучій порывъ вѣтра, подбрасывая эти ужасныя слова къ самому полумѣсяцу минарета, вталкивая ихъ въ кибитки, вонзая въ уши полуживыхъ кочевниковъ...

Сверкають соры, шуршитъ по нимъ перекасти-поле, переливается марево...

Ночь не приноситъ прохлады... Знойный вѣтеръ проносится иногда ураганомъ, и столбы песку, разбиваясь о кибитки, потре-

*) Киргизское лѣтоисчисленіе подраздѣляется на 12-лѣтніе періоды, при этомъ каждый годъ имѣетъ своего патрона изъ животнаго царства. Годъ зайца заканчиваетъ собою циклъ каждаго періода и сопровождается по наблюденіямъ кочевниковъ бѣдствіями—засухой, гололедецей, буранами и голодной зимой, почему имя этого незлобиваго животнаго „куянь“ стало синонимомъ голода.

саютъ ихъ... И слышится въ этихъ порывахъ какой-то жуткій гулъ, точно стонетъ степь отъ зноя...

Протяжный заунывный вой... Шакалы подошли къ табунамъ и открыли свое пиршество...

Я. Полферовъ.

Байкаль.

Такъ вотъ онъ!.. Охваченъ волшебной картиной
Могучей природы въ суровомъ краю,
Межъ моремъ и небомъ, надъ грозной пучиной
Одинъ я въ восторгѣ безмолвномъ стою!

Байкаль лучезарный! То отблескомъ стали
На солнцѣ свѣтятся, то горя бирюзой,
Онъ гонить въ туманъ чуть синѣющей дали
Съ величьемъ спокойнымъ волну за волной.

И горы сѣдя въ раздумьи покорномъ
Стопились надъ зыбкой поверхностью водъ.
Торжественно-тихо! Лишь облакомъ чернымъ
Дымися, шумить вдалекѣ пароходъ...

О, чудный Байкаль, безпредѣльное море,
Священное море сибирскихъ племенъ!
Въ твоемъ необъятномъ широкомъ просторѣ
Какой-то таинственный смыслъ заключенъ!

Есть что-то въ тебѣ, что отрадой ласкаетъ
И въ даль на блестящія волны манить,
Но вмѣстѣ, какъ будто, гнететъ и пугаетъ,
Какъ будто бѣдою какою грозитъ.

И стоитъ лишь вѣтру докучливымъ смѣхомъ
Тебя взволновать, какъ твой гнѣвъ забурлитъ,
И страшнымъ, протяжно-раскидистымъ эхомъ
Твой голосъ могучій межъ горъ пробѣжитъ!..

...Промчались годы. Байкаль, надъ тобою
Мнѣ снова съ тѣхъ поръ не случилось быть,
Но, разъ очарованъ волшебной красою,
Ужъ больше не въ силахъ тебя я забыть;

Для лицъ, желающихъ получать журналъ въ **Петербургъ**, подписка принимается въ конторѣ типографіи **Альтшулера**—
Фонтанка, 96 и

въ книжномъ магазинѣ **И. И. Митюрникова**—Литейный пр., 31.
Тутъ же розничная продажа номеровъ.

Сибирскіе

Седьмой годъ.

№№ 22-23 Вопросы

24 Іюня 1911 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Джаната. *Я. Полѣрова.*
2. Землеустройство въ Забайкальѣ. *В. Ир.*
3. Сибирскія тюрьмы. *А. Х.*
4. Торжество жестокости. *S. Bonnard.*
5. Сибирскія письма: 1) Тобольскъ, 2) Туринскій уѣздъ
3) Томскъ, 4) Барнаулъ, 5) д. Подкаменная Тунгуска
6) Владивостокъ.
6. Исправленіе ошибки (Письмо изъ Иркутска). *А. Карпушенкова.*
7. Среди сибирскихъ дѣльцовъ. *Сурина.*
8. Очерки сибирской жизни. *Л. Р.*
9. Мытарства евреевъ въ Сибири.
10. Сибирскіе вопросы и Думскіе отвѣты. *М. Аронова.*
11. Обзоръ русской жизни.
12. „Фактъ, котораго никто не отрицаетъ“... *А. Алова.*
13. Хроника.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.

1911.

Д ж а н а т а.

Купа карагачей, унизанныхъ старыми гнѣздами, жутко шумѣла подь напоромъ вѣтра. Пушистый ковыль неистово качался, точно хотѣлъ съ корнемъ вырваться изъ плотной почвы и отдаться въ забаву вихрю. Звонкій говоръ ручья, каскадомъ ниспадавшаго въ сай изъ переполненнаго водой кудука, терялся въ общемъ шумѣ. Клочковатая, точно вата, темно-сѣрая облака, перегоняя другъ друга, низко проносились надъ ложиной и время отъ времени выбрасывали брызги дождя...

— Ой, аргам-а-а-а-къ батыря-я-я Бута-а-ар-ма-а-а.

Въ тонъ вѣтру выводилъ фистулой Баюканъ, сидя подь однимъ изъ карагачей. Его тощая фигура, одѣтая въ старый бухарскій халатъ, покачивалась къ тактъ руладѣ. Невдалекѣ паслась сбатованная лошадь...

— Тамъ высоко ничего не мѣняется,—обрывая свою пѣсню, вдругъ произнесъ Баюканъ.—Давно, давно старики говорили, что и солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды—все по прежнему, а вотъ на землѣ мѣняется... Народъ разный сталъ: былъ калмакъ, потомъ кайсаки пришли, а теперь урусъ... Табуновъ раньше больше было... А какія красивыя дѣвки...

— Ой, а-а-аргам-а-а-акъ...

Снова въ шумъ вѣтра врѣзалась ноющая нота пѣсни...

— А сколько барановъ раньше рѣзали,—продолжалъ свою мысль Баюканъ, бросая пѣть.—Поѣдешь къ кунаку, не успѣешь асату дать, какъ въ сосѣднемъ аулѣ барана варять... Приѣдешь туда—говорять, что у бія—той, надо и туда поспѣть... Часто въ одномъ аулѣ нагайку оставишь, въ другомъ малахай, въ третьемъ переметную суму—чтобы вездѣ оставили отъ барана... А теперь? Раз-два въ годъ только и попробуешь, а то все сыръ, да куже... Плохая жизнь...

— Ой, а-а-аргама-а-а-акъ ба-а-а-тыря-я-я... — такъ высоко забралъ Баюканъ, что лошадь пугливо фыркнула и удивленно посмотрѣла на хозяина.

— Кулановъ, сайгаковъ много было... Въ камышахъ птица водилась... А теперь ничего нѣтъ... Сами кайсаки другіе стали... Нѣтъ батырей, какъ были Аблай, Кенисара, нѣтъ джигитовъ храбрыхъ, а все больше куланы родиться стали.

— Ой, а-арга-а-ма-а-а...

Порывъ вѣтра оборвалъ ноту пѣвца и глухо зашумѣлъ вершинами карагача.

Баюканъ вперилъ свой неподвижный взоръ въ сѣроватую даль, гдѣ зыбилась степь, точно марево, а длинныя нити облаковъ касались пушистыхъ верхушекъ ковыля.

— Аманъ-ба?

Баюканъ вздрогнулъ отъ неожиданнаго вопроса и быстро вскочилъ на ноги, поправляя малахай.

На красивомъ гнѣдомъ конѣ, вытягивавшемъ мокрую шею, сидѣлъ пожилой киргизъ и удивленно смотрѣлъ на Баюкана.

— Я давно подѣхалъ, привѣтъ Пророка послалъ тебѣ, но ты пѣсню пѣлъ... Я—хаджи Тасмухамедъ...

Баюканъ быстро подошелъ къ всаднику и, принявъ почтительную позу, протянулъ руки. Хаджи сунулъ въ растопыренныя ладони свою и не столько руку, сколько рукавъ халата, изъ котораго торчала нагайка. Баюканъ придержалъ стремя и помогъ Тасмухамеду слѣзть съ лошади, а затѣмъ разостлалъ халатъ подъ деревомъ и стоялъ въ почтительной позѣ, пока хаджи усаживался. Толстыя ноги въ кожаныхъ шароварахъ никакъ не хотѣли лечь калачикомъ, и массивная фигура все время откатывалась назадъ.

— Ты какого рода?—спросилъ хаджи...

— Жилка-табынъ, мудрый хаджи... Баюканъ, Сарбасъ-бала, изъ аула Соукъ-Су...

— Что тутъ сидишь?

— Я, мудрый хаджи, думалъ...

Хаджи поднялъ на него свои выпуклые черные глаза и съ любопытствомъ всматривался въ нервное подвижное лицо Баюкана. Хаджи никакъ не могъ допустить, чтобы простой, отъ черной кости кайсакъ могъ о чемъ-нибудь думать. На то они хаджи есть... Только имъ Пророкъ открылъ тайны неба и земли, только имъ дано право думать о великихъ вещахъ...

Баюканъ съ какимъ-то надрывомъ сталъ дѣлиться своимъ недоумѣніемъ. По мѣрѣ того, какъ его прерывистая рѣчь, состоявшая сплошь изъ вопросовъ, приближалась къ концу, на лицѣ хаджи заиграла хитрая усмѣшка, а рука сильнѣе ударяла нагайкой по разостланному халату.

— Ты правъ, Баюканъ...— началъ хаджи, когда тотъ умолкъ.— Наша степь не была такой бѣдной, какъ теперь... Когда великій Пророкъ былъ на землѣ, зеленныя рощи покрывали степь и среди нихъ звонко журчали ручьи. Аулы шумно кочевали отъ урочища къ урочищу. Въ голубой выси, не умолкая, пѣли тургаи. Одинъ той смѣнялся другимъ... Богатѣли кайсаки: стада ихъ множились, кибитки были устланы дорогими коврами, кумысомъ поили каждаго прохожаго, аргамаки не имѣли соперниковъ...

Не радовался Пророкъ этому богатству... Онъ сказалъ: „богатство это—песчаные барханы въ пустынѣ; налетитъ вихрь и смететъ всѣ холмы“... И онъ сказалъ правду: на степь налетаетъ вихрь за вихремъ, и скоро тутъ пустыня ляжетъ... Буянъ-жилъ сталъ часто повторяться, урусъ, точно сыпучій песокъ, разстилается по нашимъ лѣтовкамъ и зимовкамъ...

Зналъ и про это великій Пророкъ... Онъ не хотѣлъ все-таки оставить своихъ правовѣрныхъ сыновъ безъ утѣшенія на землѣ, и вотъ, когда Аллахъ позвалъ его къ себѣ, онъ бросилъ горсть сѣмянъ и велѣлъ вѣтру посѣять ихъ, а землѣ возростить... Выросла чудодѣйственная трава „джаната“... Кто воскуритъ сокъ ея, у того душа освобождается отъ тѣла, и ему не надо ни земныхъ женъ, ни аргмаковъ, ни вкусной баранины: онъ все это получить отъ Пророка... Душа входитъ въ рай Магомета, а потомъ снова возвращается въ тѣло...

Баюканъ застылъ, слушая мудраго хаджи.

Внутри у него все замерло отъ одной мысли вкусить сладость чудной травы и познать блаженство рая.

— Скажи, мудрый хаджи, гдѣ растеть эта святая трава?

— Тамъ, гдѣ жилъ великій Пророкъ... Но она невидима простому правовѣрному, только хаджи, удостоившійся похвалы самаго мудраго Хазрета, можетъ распознать ее среди другихъ травъ...

— Хаджи воскуривалъ самъ?

— Много разъ... И теперь послѣ каждаго великаго намаза воскуриваю...

Хаджи насмѣшливо посмотрѣлъ прищуренными глазами на Баюкана.

— Баюканъ, Сарбасъ-бала, хочеть попробовать?

— О, мудрый хаджи, посланный намъ самимъ великимъ Пророкомъ!.. Я отдамъ тебѣ послѣдняго барана, дай только воскурить травы Пророка!—проговорилъ Баюканъ прерывающимся голосомъ.

Хаджи положилъ въ трубку съ длиннымъ гнутымъ чубукомъ нѣсколько кусочковъ сѣровой массы, закрылъ ее трутомъ и выбилъ кресаломъ искру. Трутъ задымился, и синеватая струйка ѣдко-сладковатаго дыма потянулась изъ трубки.

Баюканъ съ жадностью сталъ втягивать въ себя дымъ. Сначала закашлялся, но потомъ быстро пересталъ. Лицо постепенно принимало спокойное выраженіе, зрачки быстро расширялись, а губы складывались въ блаженную улыбку... Курильщикъ застылъ въ своей позѣ и только по движеніямъ впалыхъ щекъ можно было судить о томъ, что онъ еще не совсѣмъ потерялъ сознаніе... Но вотъ трубка выпала изъ рта и на лету была подхвачена хаджи. Баюканъ, съ широко раскрытыми глазами, съ желтоватой пѣной въ углахъ рта, началъ какъ-то нервно подергиваться и упалъ навзничь. Руками онъ что-то ловилъ въ воздухѣ, ноги то сгибались, то вытягивались, по всему тѣлу пробѣгали частыя судороги... Изъ рта клубами стала выходить грязноватая пѣна и слышалась икота...

Хаджи съ презрѣніемъ смотрѣлъ на опьяненнаго Баюкана.

— Собака!..—вполголоса произнесъ онъ.—Въ рай захотѣлъ побывать, черная кость...

Черезъ часъ Баюканъ прекратилъ свои странныя движенія и оставался въ спокойно вытянувшейся позѣ минутъ десять. Блѣдное, съ землистымъ оттѣнкомъ лицо точно окаменѣло. Но вотъ онъ открылъ глаза, приподнялся и удивленно посмотрѣлъ на Тасмухамеда.

— О, мудрый хаджи!—произнесъ Баюканъ.—Какого нѣжнаго барашка я ѣлъ, какимъ вкуснымъ пѣнистымъ шубатомъ запивалъ, какихъ красивыхъ женъ ласкалъ... О, теперь я знаю рай Пророка... Скажи, мурдый учитель, гдѣ достать этой святой травы?.. Все возьми—только дай еще воскурить...

Тихо въ аулѣ Соукъ-Су. Не слышно дамбры по вечерамъ, не раздается пѣсня въ степи... Невидно ни стада, ни табуновъ—отъ былого довольства остался десятокъ овецъ.

Кибитка Баюкана полна киргизами. Но и тамъ тишина, нару-

шаемая иногда тяжелыми вздохами притаившихся въ углу женщинъ. Въ грязныхъ ситцевыхъ халатахъ, въ тибетейкахъ на давно небритыхъ головахъ, съ соломенно-желтыми, испитыми лицами, съ запавшими усталыми глазами, безъ выраженія, они полукругомъ сидятъ около очага и трясущимися руками держать длинные трубки... Сизый сладковатый дымъ непрерывными, вьющимися струйками поднимается къ тундуку кибитки.

— Хаджи сказалъ, что больше не продать „джаната“... — хриплымъ голосомъ произнесъ Баюканъ, выпуская на минуту изо рта камышевый чубукъ.

— Обманываетъ онъ, жирный барантъ!.. Высосалъ изъ насъ все, сдѣлалъ джетаками, а теперь не хочетъ давать... Убью собаку...

Досмагомбетъ пытался поднять грозно сжатую въ кулакъ руку, но она, какъ плеть, упала на дрожавшія колѣни.

— Теперь у насъ ничего нѣтъ... Ауль весь джетакъ... Только и осталось ходить въ дивный садъ Пророка, а безъ джаната туда не пускаютъ...—проговорилъ Носанъ, кладя въ трубку небольшой уголекъ.

— Солай (такъ)...—кто-то тихо вздохнулъ.

Степь, объята зноемъ, купалась въ горячемъ воздухѣ... Миражи застыли въ синеватой дымкѣ далей... Струйчатое марево гигантской змѣей охватывало башни и замки...

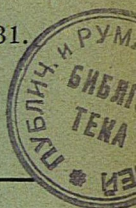
Я. Я. Полферовъ.

Землеустройство въ ЗабайкальѢ.

Относительно не густо заселенное Забайкалье съ проведеніемъ желѣзной дороги по количеству народонаселенія стало быстро расти. Закрытая официально для переселенія, область привлекала массу того крестьянскаго люда изъ Европейской Россіи, который, не желая подвергаться мытарствамъ „урегулированнаго переселенія“, шелъ на окраину за свой страхъ и рискъ. Это было хорошо и для окраины, и для переселенцевъ, и, наконецъ, для государства. Окраина нуждалась въ населеніи, и это населеніе постепенно вливалось въ Забайкалье по желѣзной дорогѣ. Не внося никакой болѣзненной ломки ни въ бытовія условія жизни окраины, ни, что самое главное, въ условія пользованія земельными угодьями, пришлое изъ Европейской Рос-

1289
Для лицъ, желающихъ получать журналъ въ Петербургѣ, подписка принимается въ конторѣ типографіи **Альтшулера**—
Фонтанка, 96 и

346
въ книжномъ магазинѣ **И. И. Митюрникова**—Литейный пр., 31.
Тутъ же розничная продажа номеровъ.

Сибирскіе

Седьмой годъ.

№№ 24-25 Вопросы

30 Іюня 1911 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Селеты-Денгизъ. *Я. Полферова.*
2. Якутская ссылка. *В. Каменногорскаго.*
3. „Пробный камень культурности“. *А. Х.*
4. Два слова о колонизаціонномъ банкѣ г. Денисова. *Л. Пантелеева.*
5. Сибирскія письма: 1) Томскъ, 2) Съ Дальняго Востока.
6. Забытые люди. *Ив. Непомнящаго.*
7. Очерки сибирской жизни. *Л. К.*
8. Врачебный голодъ. *Сибиряка.*
9. Обзоръ русскои жизни.
10. Гдѣ въ Сибири можно найти изданія Государственной Думы.
Н. Скалозубова.
11. Библиографія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.

1911.

Селеты-Денгизъ.

И Мы осторожно спустились по песчаному отвѣсу и тихо стали одвигаться вдоль берега.

Озеро грозно шумѣло. Его съдыя волны съ ревомъ накатывались на отлогіе берега, но тотчасъ же убѣгали прочь, оставляя множество мелкихъ камней и раковинъ, покрытыхъ водорослями и пѣной. Темные гребни сверкали бѣлой пѣной, точно громадныя чайки взмахивали крыльями... Гигантскія широкія водныя полосы тяжело перекачивались, поднимая всю толщу воды, до самыхъ нижнихъ слоевъ...

Нелюдимо Селеты-Денгизъ... Песчаные валуны, изрѣдка покрытые чахлыми колками, свидѣтели морскихъ бурь и мертвой рыби, непрерывной лентой тянутся вдоль отлогіхъ береговъ...

Громадная водная поверхность, сливаясь съ безбрежной степной далью, кажется беспредѣльной... Тихо и уныло... Только къ югу, гдѣ Денгизъ принимаетъ въ свои воды красавицу Селеты, наблюдается человѣческая жизнь, оживляющаяся въ пору джелау. Здѣсь не накатываются съ рокотомъ пѣнящіяся волны: бѣлыя рѣчныя струи что-то тихо рассказываютъ своимъ таинственнымъ всплескомъ синимъ водамъ моря...

Не отрываетъ отъ морского простора своимъ мечтательныхъ взоровъ киргизъ. Идетъ ли онъ съ караваномъ, кочуетъ ли онъ стадами, батрачить ли на промыслахъ—глаза его часто бываютъ устремлены въ водную даль. Каждый сынъ степи убѣжденъ, что тамъ, далеко-далеко, гдѣ небо спускается къ водѣ, есть благодатный островъ, населенный только кайсаками, сынами вольной жизни. Тамъ жизнь, вѣрятъ кочующіе вблизи Денгиза киргизы, свободна отъ всѣхъ земныхъ тягостей, все прекрасно, во всемъ приволье... Но попасть туда могутъ только избранные, каждого

же, дерзнувшего самовольно проникнуть на священный островъ, поглотить морская пучина.

И въ богато одаренной фантазіей головѣ киргиза создалась цѣлая легенда о Селеты-Денгизъ *).

„Третій день рококочуть волны въ Селеты, далеко накатываясь по склонамъ котловины. Вздудась, потемнѣла рѣка, угрожая затопить всѣ аулы, раскинувшіеся по зеленой долиנѣ...

„Задумались кайсаки, опросили аксакаловъ, но никто не могъ объяснить причину гнѣва рѣки, все время спокойно катившей свои свѣтлыя воды въ Иртышъ. Рѣшили послать за мудрымъ Исентаемъ, который кочевалъ въ горахъ Ала-тау. Помчались джигиты на быстроногихъ аргамакахъ, захвативъ въ подарокъ шелковый халатъ.

„Прошло новыхъ три дня. Селеты по прежнему пѣнить свои волны и вышла изъ береговъ, затопляя долину. Аулы въ смятеніи: бѣда близка, а спасенія нѣтъ... На четвертый день вернулись джигиты съ Исентаемъ.

„Вперивъ свой потухающій взоръ въ тлѣвшій среди юрты очагъ, старикъ оставался неподвижнымъ въ теченіе цѣлаго дня. Кругомъ, плотнымъ кольцомъ, сидѣли аксакалы рода Кочурбея, кочующаго по долинѣ Селеты.

„Алла“!—тихо произнесъ Исентай, проводя руками по лицу.

„Алла“!—пронеслось среди аксакаловъ, продѣлавшихъ руками то же самое, что и Исентай...

„Снова томительное молчаніе въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

„Но вотъ безкровныя губы старика зашевелились и что-то беззвучно начали шептать. Всѣ обратились въ слухъ... Изъ устъ старца вылетали отдѣльныя слова...

„—Реветь... Аллахъ-акберъ... Бѣда, гнѣвъ Пророка...

„Снова молчанье и подавленный вздохъ аксакаловъ.

„Исентай оторвалъ, наконецъ, свой взоръ отъ огня, поднялъ глаза на тундукъ, черезъ который врывался ревъ рѣки, и тихо заговорилъ:

*) Научныя изслѣдованія послѣдняго времени подтвердили, что озеро Селеты-Денгизъ не реликтовое, а болѣе поздняго наземнаго происхожденія: на мѣстѣ его была степная котловина, черезъ которую нѣкогда протекала р. Селеты, впадая въ р. Иртышъ. Подъ вліяніемъ одного изъ землетрясеній, такъ частыхъ въ восточной части средне-азиатскихъ степей, р. Селеты потеряла связь съ Иртышемъ и стала приносить свои воды только въ упомянутую котловину, превративъ ее въ озеро.

„— Всемогущій Аллахъ (да продлится его милость къ правовѣрнымъ!) посылаетъ на кайсаковъ свою кару: гяуръ близко... Я слышу ихъ собачій лай, который они пѣсней зовутъ, я вижу ихъ проклятыя лодки, на которыхъ они плывутъ по Иртышу и съ завистью смотрятъ на нашу красавицу Селеты... О, Алла!.. Преграды имъ нѣтъ... Напрасно священная Селеты вздымаетъ свои воды—не залить ей лодокъ, не потопить гяуровъ... Цѣпями скуютъ волны Селеты, погибнетъ воля степи... Покоримся Аллаху, сотворимъ намазъ... Сзывайте на молитву всѣхъ...

„Вѣтеръ рветъ кибитки. Звонкій голосъ азанчи обрывками мечется по ауламъ. Селеты давно покинула русло, и волны ея съ рокотомъ неслись по долинѣ, затопляя все... Отчаянные крики утопающихъ, ревъ верблюдовъ, спѣшно навьючиваемыхъ юртами, плачь дѣтей, вой вѣтра—все это слилось въ одинъ глухой стонъ и жуткимъ гуломъ наполняло долину...

„Но, чудо!.. Молящіеся аксакалы и среди нихъ Исентай остаются нетронутыми. Вокругъ нихъ ключомъ кипитъ вода, брызги пѣны съ ногъ до головы окачиваютъ ихъ, но остаются они невредимы... Страшный ударъ грома. Молнія прорѣзала небосклонъ, охватила своимъ огненнымъ поясомъ группу молящихся и отрѣзала островъ.

„Бушуетъ Селеты, рокочутъ волны новаго Денгиза, а островъ съ молящимися тихо плыветъ, постепенно скрываясь въ морской дали... Вокругъ него нѣтъ волнъ, нѣтъ бѣшеныхъ гребней, а тихо и спокойно, какъ въ ясный безвѣтренный день. Точно чайка крыльями, мелкнулъ въ послѣдній разъ бѣлый шелковый халатъ Исентай и... все исчезло.

„На мѣстѣ долины Селеты явилось море Денгизъ, куда Селеты-су несутъ свои спокойныя воды“.

Такъ закончилъ свою легенду Харрасъ.

Взоры моихъ спутниковъ, устремленные въ морскую даль, подернулись грустной дымкой... Видно, что сейчасъ душой и мыслями они тамъ, на таинственномъ островѣ, скрытомъ отъ коварнаго уруса...

Раздался рѣзкій пронзительный свистъ. На арбахъ, запряженныхъ крупными лошадьми, спускались новоселы возникшаго въ прошломъ году поселка на р. Селеты.

— Шайтаны...—проворчалъ Бактыбай и круто повернулъ своего коня.

Мы послѣдовали за нимъ.

Я. Я. Полферовъ.

289/346
Для лицъ, желающихъ получать журналъ въ Петербургъ, подписка принимается въ конторѣ типографіи **Альтшулера**—
Фонтанка, 96 и
въ книжномъ магазинѣ **И. И. Митюрникова**—Литейный пр., 31.
Тутъ же розничная продажа номеровъ.

Сибирскіе

Восьмой годъ.

№№ 3-4

Вопросы

28 января 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Инженеръ пріѣхалъ. *М. Колчина.*
2. Около голода. *Д. С.*
3. Двойная арифметика. *Г. Л—ева.*
4. Теорія и практика въ школьномъ дѣлѣ. —*ова.*
5. Сибирскія письма: 1) с. Шевелево, 2) Томскъ, 3) Красноярскъ, 4) Якутскъ, 5) Вилуйскъ.
6. Удивительная губернія или удивительные губернаторы? *А В. Б.*
7. Очерки сибирской жизни.
8. Чабанъ (Набросокъ). *Я. Полѣрова.*
9. Господа „монголисты“. *І. Экспортеръ. Сурина.*
10. Обзоръ русскіе жизни.
11. О шаманствѣ (Изъ доклада *Е. П. Нахорукова* въ Сибирскомъ Собраніи).
12. Хроника.
13. Экспонаты учебныхъ заведеній на Омской выставкѣ.
14. Объявленія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.
1912.

голодающихъ... да развѣ это дѣло священниковъ, тѣмъ болѣе христіанскихъ?!

Остается одно. Пей, играй въ карты и сплетничай, сплетничай безъ конца. А если и это надоѣстъ, есть еще развлечение: его высылаютъ въ закрытомъ конвертѣ за двѣ семи копѣчныя марки, „Сибирская Жизнь“ сообщаетъ, что это и дѣлается: „За выписку несвойственной для пастыря порнографической литературы, соблазняющей паству, одинъ изъ священниковъ томской епархіи духовнымъ начальствомъ подвергнуть денежной пенѣ, въ размѣрѣ 15 рублей, въ пользу лицъ духовнаго званія“.

И это вполне естественно. Все идетъ своимъ обычнымъ ходомъ: легкое архипастырское внушеніе за драку съ крестомъ, пятнадцать рублей штрафа, въ пользу лицъ духовнаго званія, за порнографію и обыскъ за составленіе списка голодающихъ!

Ч а б а н ь.

(Набросокъ).

Старый чабанъ Апанасъ, опершись высохшими, пожелтѣвшими ладонями на длинный вишневый чекмарь, пристально всматривался въ далекій горизонтъ, гдѣ причудливымъ узоромъ играло струйчатое марево. Степь на тысячи верстъ разстилалась безмолвной далью. Окутанные дымкой, миражи расплывчатыми очертаніями обрисовывались среди бѣлесоватыхъ солонцовъ. Тѣнь отъ распластавшагося въ выси облака темнымъ пятномъ растилалась по долинѣ.

Отара сбилась въ кучу, пряча головы отъ зноя и мухъ. Кругомъ лежали овчарки, сторожко поводя лохматыми ушами. Комочкомъ свернувшись, спалъ подпасокъ Томашъ, подставляя свое юное, совершенно бронзовое лицо жгучимъ лучамъ полуденнаго солнца.

— Охъ, и благодать Господня!.. Степу-то этой самой ско-
личко... Чай верстовъ на тыщу, а хибя и съ гакомъ...

Старикъ поправилъ свою старую мерлушковую шапку, слѣзавшую на глаза, и снова отдался думамъ.

— Благодать, словъ нѣтъ, а все-же супротивъ нашихъ херсоньскіихъ не дойдетъ... Ще Преображенья Господня нима, а

яки морозы-утренники... А днемъ, якъ у насъ въ юлѣ... А шпанка не любитъ такъ рано морозовъ: животное балована... Охъ, погубимъ мы шпанку!.. Сколичко ихъ зимой пропало... Якъ задуетъ мятелица, якъ стукнетъ морозище—куды овцѣ въ кошарѣ, чоловіку въ хатѣ зябо... А все молодой хозяинъ Василь: «що мы, баить, на курьємъ дворѣ мотаться будемъ, простору надо, раздолья»... Вотъ и раздолье тебѣ, Василь... Теперича и радъ бы назадъ, на курій дворъ, да нельзя и стыдно: въ Сибирь гоголемъ ѣхаль, миллионщикомъ, похвалялся, къ вамъ пріѣду, анъ баць, якъбы съ однимъ чекмаремъ назадъ пѣшкомъ не пошелъ..

Овчарки съ лаемъ сорвались съ мѣстъ и бросились отъ отары въ степь. Апанасъ повернулся въ сторону, куда убѣжали собаки, и сталъ всматриваться, козырькомъ приложивъ ко лбу правую руку. Вскочилъ и Томашъ, пугливо озираясь по сторонамъ.

Изъ-за холма показалось двое верховыхъ и, сопровождаемые лаемъ собакъ, крупной рысью стали приближаться къ отарѣ.

— Аманъ-ба, бабай! (здорово старики!)...

Апанасъ буркнулъ въ отвѣтъ что-то невнятное и прикрикнулъ на собакъ, которыя моментально перестали бросаться на пріѣзжихъ и тихо побрели къ отарѣ.

— Василь свой кибитка?

— Дома, шерстя купорить...

— Акша (деньги) нада, совѣмъ яманъ: проса джокъ (нѣтъ), малъ (скотъ) пропаль... Куянъ-жилъ (голодъ) большой, всѣ умирать будимъ...

— Не умрете, маханъ станете жрать... Вотъ якъ хрестьяне пробьются, Господь знаетъ...

Апанасъ грустно покачалъ сѣдой головой.

— Бабай! Василь акша даетъ?

— Коли вамъ слѣдуетъ, пошто не дать—дасть... Только я-бъ, замѣсто его, не даль-бы... Яка тутъ сласть: холодно дюже, хиба-жъ можно тутъ шпанку водить...

— Нашъ киргизскій баранъ не боится...

— Да що ваша овца!.. Тѣфу... а не овца.. Рази супротивъ шпанки ё можно равнять?

Апанасъ разсердился, надвинулъ шапку и пошелъ къ отарѣ. Киргизы съ недоумѣніемъ смотрѣли вслѣдъ чабану, не понимая, чѣмъ они такъ разсердили старика.

Снова степь безмолвна, снова старый чабанъ одинъ съ своими думами.

— Вотъ бачь, якъ хитро все устроено... И степу этой много, и трава, якъ у насъ въ херсонскихъ степахъ и киргисцы—народишко покладистый, а подишь-ты, не возьмешь ты ё, якъ кладъ завѣтный... Тамъ хочь перехрестишься, прогуторишь: „аминь-аминь, разысься“ и, бачь, кладъ достался, а туточка не... Василь баить, що надо знать, якъ этотъ кладъ брать, а вотъ онъ и ему не дается. „Нонѣ не дался, завтра овладѣю“... Все-де въ умѣ... Охъ, съ этимъ умомъ отцовско добро размоталъ!.. Отъ восьми тыщъ шпанки всего двѣ осталось... Лучше бъ по старинѣ шпанку водилъ, на насиженныхъ земляхъ, а то въ Сибирь, на просторъ, гдѣ Ермакъ гулялъ... Ермакъ не Василь, а Василь не Ермакъ...

Апанасъ стукнулъ чекмаремъ.

— До Пречистой останусь, а тамъ уѣду... Наймусь къ Ничипоренку Данилѣ, а то умрешь, съ басурманами сховаютъ... Жалко Василя, у дѣда отары водилъ, отца сховалъ, а туточка... Коли-бъ не басурманьска степь, да не зябкая зима—остался-бъ...

Жаръ сталъ спадать. Пробѣжала прохладная волна воздуха. Апанасъ зябко передернулъ плечами. Отара стала расходиться по степи.

— Дѣдусь, бачь... Мабудъ хозяинъ скачетъ...—крикнулъ подпасокъ, взмахивая своимъ длиннымъ кнутомъ вдаль.

Апанасъ повернулъ голову въ сторону, куда показывалъ подпасокъ, и сталъ всматриваться въ быстро растущую точку.

— Мабуть Василь... Отару подбери, Томашъ... — хрипло произнесъ Апанасъ, приближаясь къ овцамъ.

— Здорово, Апанасъ... Какъ овцы? Здоровы?—бодро прокричалъ издали Василь Хоменко, слѣзая съ лошади.

— Слава Богу, хозяинъ...

Василь, плотный, тридцатилѣтній типичный южанинъ, снявъ мерлушковую шапку, отеръ рукавомъ потный лобъ и сталъ смотрѣть на отару.

— Каростныхъ нѣтъ больше?—спросилъ онъ, вплотную подходя къ Апанасу.

— Нема...—не поворачивая головы, отвѣтилъ чабанъ.

Василь удивленно посмотрѣлъ на старика.

— Что не весель, старина?

— А яка радость въ басурманьской сторонѣ...

— Эхъ, неисправимый херсонецъ!.. Ты смотри, какая благодать кругомъ... Степь то, степь куда ушла!.. Какъ въ сказкѣ:

пусти стрѣлу съ туго натянутой тетивы,—тысячи верстъ пролетить, нигдѣ не зацѣпится...

— Сказка брехня... Да и що въ этой степи—многоё, да толку нема... Вотъ якъ стукнетъ морозъ, да хватить мятелица, такъ и буде сказка, мабуть, иная...

— Чего ты понимаешь, старый пугачь... Тутъ столько толку будетъ, что успѣвай потомъ управляться, да богатство огребай... Умѣючи только надо взять эту степь...

— То-то наши батьки дурни были, не знали, якъ степу брать... Ни, Василь... Не пытай Господа Бога, живи, якъ батьки жили...

— Что батьки? Дальше своего чубука не видѣли, вотъ и прозѣвали Херсонщину, оставили намъ курій дворъ...

Апанасъ сердито стукнулъ чекмаремъ и уныло посмотрѣлъ на хозяина, какъ бы жалѣя его за неразумныя мысли.

— А якъ ты, Василь, возьмешь степу? Ну-ка, гуторь, а я, старый дурень, послушаю...

— Канавы пророю, воду погоню по нимъ и затоплю балки... Траву стану сѣять, пудовъ по сотъ пять-шесть съ десятины буду накашивать, кашары теплыя и просторныя поставлю, табуны лошадей разведу...

Апанасъ махнулъ рукой и пошелъ къ отарѣ. Василь замолчалъ, но фантазія его продолжала развивать одну перспективу за другой. Степь его очаровывала, и онъ весь отдавался какимъ-то неяснымъ стремленіямъ.

Исчезли миражи. Скрылось переливчатое марево. Вуалью закрылся горизонтъ.

Сумерки быстро надвигались. Гдѣ-то вдали пронесся неясный звукъ—крикъ ли степного луны, или нота оборвавшейся пѣсни... И снова безбрежная степь съ своей безмолвной далью раскинулась гигантскимъ сфинксомъ, пугая чабана Апанаса, будоража пытливую мысль Василя...

Я. Я. Полѣровъ.

Господа „Монголисты“.

I.

Экспортеръ.

Выгравированный талантливимъ рѣзцомъ Щедрина „ташкентецъ“ не исчезъ, несмотря на усиленную колонизацію

Для лицъ, желающихъ получить журналъ въ Петербургѣ, подписка принимается въ конторѣ типографіи **Альтшулера**—
Фонтанка, 96 и
въ книжномъ магазинѣ **И. И. Митюрникова**—Литейный пр., 31.
Тутъ же розничная продажа номеровъ.

Сибирскіе

Восьмой годъ.

№№ 11-12 Вопросы

31 марта 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Сумерки степи. *Я. Полферова.*
2. Культурный фасадъ. — *ова.*
3. Возрожденіе казацкаго духа. *К. Оберучева.*
4. На поприщѣ адвокатуры. *И. Т.*
5. Сибирскія письма: 1) Тюмень, 2) Тобольскъ, 3) Якутскъ.
6. Союзники за работой (Письмо изъ Томска).
7. Гора родила мышъ.
8. Очерки сибирской жизни.
9. Обзорѣніе русской жизни.
10. Печать въ Сибири.
11. Опроверженіе *В. Ю. Григорьева.*
12. Нѣсколько выводовъ... *А. Алова.*

Въ интересахъ дѣла, „Сибирскіе Вопросы“ съ апрѣля преобразуются изъ еженедѣльнаго журнала въ двухнедѣльный и будутъ выходить 14 и 28 числа каждаго мѣсяца, въ объемѣ 6 листовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.

1912.

Сумерки степи.

Послѣ знойнаго жгучаго лѣта, передъ тѣмъ какъ смѣнить его суровой буранной зимѣ, степь на мгновенье одѣвается въ пестрый осенній нарядъ, точно посылая прощальный привѣтъ минувшимъ красотамъ душистой весны. Въ золотистый колоритъ, въ котормъ нѣжата и пушистый ковыль, и застывшее на горизонтѣ одинокое облако, и парящій въ выси копчикъ, мягкими тонами врѣзываются зеленѣющій цвѣтъ балокъ, желтѣющія головки молочая, блѣдно-сѣроватыя поляны солянокъ и полыни... Въ прозрачномъ звенящемъ воздухѣ плаваютъ нити паутины... Стадятся группами, готовясь къ отлету, немолчные пѣвцы степи. Черной извивающейся лентой, плавно съ отдаленнымъ глухимъ рокотаньемъ, прорѣзываютъ степь станицы фламинго, лебедей и журавлей. Съ суетливымъ крикомъ пролетаетъ казара...

Аулы подошли къ зимовкамъ. Снова балки, овраги и камыши, скрывшіе черныя лачуги киргизовъ, ожили, снова, послѣ долгой лѣтней заброшенности, полны пестрой гомонливой аульной жизнью. Порой въ этотъ шумъ врѣзываются рѣзкимъ диссонансомъ чуждыя ноты, навѣвающие на кочевника жуткое чувство, и онъ бѣжитъ въ глушь своихъ степей, въ расщелины горъ...

Старый Бекжанъ попеременно поворачилъ къ косымъ лучамъ сентябрскаго солнца то спину, то бока, зябко кутаясь въ новый теплый халатъ. Не прогрѣваются уже старыя кости, не прогоняетъ солнце боль въ поясницѣ и ногахъ. Не зачаровываетъ степь своимъ безмолвьемъ, не закрадываются въ душу неясныя сладко-жуткія думы, заставлявшія трепетать тончайшія нити чуткой мистической души. Нѣтъ, теперь безмолвье дышетъ чѣмъ то напряженнымъ, чудится въ немъ что-то грозное, надвигающееся на степь... Вотъ-вотъ прорѣжетъ ее ненавистное многоголосное эхо и поглотитъ все, чѣмъ жила степь...

Сорокъ лѣтъ тому назадъ молодой батырь Бекжанъ, храбро бившійся за свободу степи, откочевалъ съ сотней ауловъ въ предѣлы Большой Орды на Чубарь-Джиланъ, куда еще не достигала зловѣщая тѣнь сумерокъ. Но прошли годы и Чубарь-Джиланъ пересталъ быть „акъ-томакъ“ (святымъ, неприкосновеннымъ мѣстомъ). Правда, онъ и родъ его честно и послушно платили побѣдителю дань, за что урусь не тревожилъ Чубарь-Джиланъ какими-либо новыми притязаніями, и онъ, Бекжанъ, по прежнему былъ фактическимъ властителемъ своихъ двухсотъ ауловъ. Пусть урусь утверждаетъ волостныхъ управителей, но выбираетъ ихъ Бекжанъ съ народомъ; пусть, урѣзаны народные бѣи въ своей власти, но ни одно еще дѣло изъ Чубарь-Джилана не поступило къ русскимъ судьямъ, ни одной жалобы не слышалъ русскій губернаторъ ни отъ одного киргиза изъ ауловъ Бекжана.

Но все же неспокойно на душѣ стараго батыря. Чувствуетъ его чуткое сердце скорую бѣду, близкій развалъ того, за что онъ кровью заплатилъ на берегахъ Илека, что старался поддержать въ теченіе этихъ сорока лѣтъ.

— „... Моей смерти ждуть... Аллахъ-Акберъ... Послѣ урусь все заполнить... Нѣтъ больше храбрыхъ батырей: старики ушли въ другой мѣръ, а молодые новой жизни хотятъ... Ибрахимъ-Ирахманъ“.

Бекжанъ повернулся къ солнцу бокомъ и сталъ вслушиваться въ говоръ степи. Кто-то вдали тянулъ одну заунывную ноту. Тѣни отъ высокихъ холмовъ темными пятнами потянулись къ балкамъ.

— Селимъ-Аликимъ!..—произнесъ около уха Бекжана молодой звучный голосъ.

— Аликимъ-Асселямъ...

Бекжанъ поднималъ слезящіеся глаза на подошедшаго, съ минуту всматривался въ его широкое смуглое лицо, окаймленное густой черной бородой.

— Дерминтай,—произнесъ онъ съ недовольнымъ оттѣнкомъ въ голосъ.—Аманъ-ба?

— Шукуръ, бѣй...

Дерминтай, сынъ Чулака, меньшаго брата Бекжана, былъ управителемъ одной изъ волостей Чубарь-Джилана. Власть ему понравилась, особенно сношенія съ чиновными русскими лицами, которыя, какъ онъ хвастался одноаульцамъ, „хорошо угощаютъ, акша даютъ...“, и онъ хотѣлъ бы продлить свое управительство,

но Бекжанъ категорически заявилъ, что Дерминтай не будетъ больше управителемъ,—пусть выбираютъ его брата Сарбаса.

— Скажи, уважаемый всей степью мудрый бій, что сдѣлалъ твой родственникъ Дерминтай, что ты не хочешь снова назначить его управителемъ?

Въ голосѣ Дерминтая зазвучала раздражительная нотка.

— Ты не будешь управителемъ,—глухо произнесъ старикъ, всматриваясь въ темнѣющую даль.—Ты спрашиваешь, что ты сдѣлалъ дурного противъ своего народа?... О, всемогущій Алла! Ты скучаешь по позорному чѣмбуру, которымъ урсу привязалъ твоихъ одноплеменниковъ къ проклятому колу... Ты за кусокъ бѣлаго хлѣба, поданнаго тебѣ на тарелкѣ, за чашку чая, готовъ промѣнять свободу твоего народа... Ты спрашиваешь, что нехорошаго сдѣлалъ? А забылъ про Джамбета, котораго убилъ Наурузбай? Забылъ, какъ ты кагазъ писалъ русскому судѣ, помимо своего судьи? Ты нарушилъ нашу клятву: управлять народомъ должны только выбранные изъ кайсаковъ люди, урсу платить только дань, а не продавать ему ни души, ни святыхъ заветовъ нашего народа... Шакирка растлилъ родную дочь — ты опять кагазъ писалъ уѣздному, а зналъ, что я запретилъ говорить объ этомъ... Бактыбай барантуй учинилъ противъ Носана, угналъ его стада, убилъ его сына, а братъ Носана Магомбетъ за кровь взялъ кровь—убилъ Бактыбая. Я съ народомъ разобралъ это дѣло, и всѣ согласились, но ты рассказалъ уѣздному начальнику: Магомбета въ тюрьму посадили... Ступай въ свой аулъ и не тревожь старика.

Бекжанъ зябко передернулъ плечами. Сумерки быстро спустились съ отлогихъ холмовъ, неся съ собой струю холода. Дерминтай, сидя на корточкахъ, все время, пока звучалъ гнѣвный голосъ старика, нервно билъ по травѣ нагайкой.

— Нѣтъ, мудрый правитель Чубаръ-Джилана, Дерминтай не забылъ, въ чемъ ты его укоряешь... Онъ помнитъ все... Но развѣ, дѣлая это, я дурно поступалъ? Кто губернаторъ, кто уѣздный начальникъ и кто управитель? Всѣ одинаковы, только одинъ править всей областью, другой — уѣздомъ, а третій — волостью и младшій долженъ слушаться старшаго начальства... Такъ говорилъ мнѣ самъ губернаторъ, а онъ выше тебя...

Бекжанъ гнѣвно посмотрѣлъ на Дерминтая и произнесъ:

— Русскій рабъ, собака...

— Не ругайся, мудрый бій... Я не сердился, пока ты ху-

лиль меня... Да, губернаторъ выше тебя, его поставилъ намъ самъ Бѣлый Султанъ... Ты же самъ себя хочешь поставить выше всѣхъ. „Нельзя этому быть“—говоритъ книга премудраго Хазрета Наурусбая... Ты говоришь, что Дерминтай скучаетъ по позорному чумбуру. Неправда... Мы всѣ перевязаны имъ, и перевязали насъ вы, батыри... Степь была свободна, правили ею султаны кайсацкіе, но вамъ захотѣлось другой свободы — рѣзать русскихъ, угонять ихъ скотъ, и вотъ дождались, что васъ урусъ перевязалъ волосянымъ чумбуромъ...

— Молчи, шайтанъ!..

Бекжанъ поднялъ лежавшую около палку и замахнулся на Дерминтай. Тотъ протянулъ руку, защищаясь отъ удара.

— Подожди, мудрый бій... Я не все еще сказалъ, можетъ быть, ты напрасно поднялъ полку... Да, вы, храбрые батыри, привязали степь на чумбуръ, сдѣлали своихъ дѣтей рабами уруса... Вы, слѣпые, успокоились, что урусъ роздалъ вамъ игрушки, какъ ребятамъ и сказалъ: „живите смирно—не трону васъ“... А спросили ли вы, наши агиды, смирились ли мы, ваши дѣти?

Бекжанъ удивленно смотрѣлъ на племянника, и его рука съ палкой постепенно опускалась.

Хитрая улыбка скользнула по мясистымъ губамъ Дерминтая.

— Хазретъ Наурусбай учить, что нѣтъ той змѣи, которую нельзя бы заморозить, нѣтъ шакала, котораго нельзя бы усыпить... Уруса надо заморозить, какъ змѣю, усыпить, какъ шакала. А кто сдѣлаетъ? Не вы, мудрые агиды, которые изъ-за cadaго малаго дѣла готовы схватиться за ятаганы... Мы сдѣлаемъ такъ, что усыпимъ уруса, и тогда...

— Тогда?—переспросилъ Бекжанъ, начиная понимать Дерминтай.

— Тогда мы поднимаемъ степь, какъ Кенисара, и...

— Молчи, шайтанъ!—глухо перебилъ Бекжанъ.—Ты имѣешь лисій хвостъ, чтобы вилать имъ передъ урусомъ, да нѣтъ въ твоей головѣ разума яснаго, въ сердцѣ храбрости льва. Ты хочешь меня усыпить... Нѣтъ, глупый изъ рода нашего, у стараго барса когти притупились, но глаза насквозь видятъ... Вижу твою рабскую душу, хочется ей ластиться около уруса, воровать свободу у степи и мѣнять на медали... Не будешь управителемъ, собака русская...

Бекжанъ всталъ. Послышался говоръ въ глубинѣ лощины:

кавалькада верховыхъ киргизовъ приближалась къ кибиткѣ Бекжана. Дерминтай съ силой ударилъ по землѣ нагайкой, поднялся и мгновенно оставался неподвижнымъ. Злобно посмотрѣвъ на согнутую фигуру старика, вырисовывавшуюся среди сумерекъ темнымъ силуетомъ, онъ процѣдилъ:

— Не буду управителемъ, не будешь и ты біемъ и главой Чубаръ-Джилана...

— Уйди, собака... Алла...

Фигура Бекжана растаяла въ сумеркахъ. Сухой шелестъ травы долетѣлъ до Дерминтая.

— Старый шакаль, слуга Абу-Нирана...—прошепталъ онъ.

Съ вершинъ Ала-Тау, скрытыхъ ночью, потянуло влажнымъ холодомъ. По ложинѣ Чубаръ-Джилана сѣрымъ сукномъ тянулся и густѣлъ вечерній туманъ. Чуть слышнымъ гоготаньемъ отозвался пролетъ казары. Въ аулахъ задрожали красноватые огни костровъ, отбрасывая длинныя тѣни отъ кибитокъ...

Дерминтай тихо пошелъ вдоль ложины. Думы вихремъ проносились въ его головѣ. Злоба, отчаяніе, жажда мести переплетали ихъ и нагайка все время свистѣла въ воздухѣ, поражая невидимаго врага.

— „Объщали золотую медаль, а послѣ и заурядъ-хорунжаго... Какой красивый мундиръ, какъ у самого губернатора... Какой былъ бы почетъ... А тамъ и въ „особые шиновники“, много-много скота бралъ бы, еще двухъ женъ взялъ бы... Красивая дѣвка Кадія, во всей степи нѣтъ такой... Калымъ большой... Старый шакаль Бекжанъ помѣшаетъ, погубить меня... Ну тогда!..“.

Дерминтай угрожающе потрясъ въ воздухѣ нагайкой.

Дерминтай быстро выскочилъ изъ кибитки Сафы, держа въ рукахъ малахай и нагайку. Вслѣдъ ему раздался насмѣшливый голосъ хозяина:

— Кунакъ! Малахай надѣнь, нагайку не потеряй, а то жену стегать нечѣмъ... Ха-ха-ха...

А невдалекѣ стояла съ бурдюкомъ красавица Кадія и беззвучно смѣялась, открывая свой перламутровые зубы.

— Джигитъ, куда спѣшишь? На выборы? Такъ они были... А кого управителемъ выбрали? Вѣроятно, тебя, самого достойнаго изъ кайсаковъ...—насмѣшливо бросала въ догонку красавица.

Дерминтай злобно стиснулъ зубы, скрипѣлъ ими, а ноги несли его все дальше и дальше отъ мѣста позора. Его не выбрали.

Мало того, старый Бекжанъ осрамилъ передъ всѣмъ народомъ. Долго насмѣшки и брань сыпались по его адресу, долго мальчишки кричали ему вслѣдъ: «урусъ... урусъ...» А теперь Сафа выгналъ изъ кибитки, и Калія смѣется радостнымъ смѣхомъ, что отецъ, еще недавно готовый продать ее управителю, осрамилъ его...

— «О, старая собака!.. Повстрѣчайся мнѣ—убью... Не спасутъ тебя твоя сѣдая голова, твой почетъ... Погибну самъ, но и отомщу... Кровь Адая во мнѣ пылаетъ»...

Онъ вошелъ въ свою кибитку, пнулъ ногой волкодава, грѣвшагося около очага, окрикнулъ жену и велѣлъ подать айранъ. Жадно глоталъ онъ кислую комковатую массу, какъ бы желая залить внутренній огонь. Но мысль о мести распаляла его все больше, и онъ готовъ былъ сейчасъ идти къ Бекжану и убить его.

Во входѣ показалась стройная фигура Наурусбая. На лѣвой рукѣ у него спокойно сидѣлъ стальной красавецъ—кречетъ.

— Дерминтай! поѣдемъ на охоту... Казары много летить,—весело крикнулъ Наурусбай.

Дерминтай оторвался отъ чашки, поднялъ на вошедшаго глаза и первое мгновеніе какъ будто не могъ понять, гдѣ онъ, зачѣмъ этотъ красавецъ Наурусбай, откуда свѣтится желтый глазъ...

— Не поѣду...—мрачно произнесъ онъ, бросая чашку.

— О чемъ плачешь, другъ? Охота разгонитъ всѣ твои печали... Смотри, какой день посылаетъ Аллахъ! Всѣ собираются поджигивать на широкой степи... Самъ Бекжанъ поѣхалъ...

Дерминтай вскочилъ, какъ ужаленный.

— Ъдемъ...—крикнулъ онъ, подходя къ ястребу, привязанному около небольшого сундука, и отстегивая отъ ноги крючекъ. —«А, старый шакаль! На твою добычу выпущу своего ястреба, а на тебя самъ кинусь кречетомъ»...—лихорадочно пронеслось въ головѣ Дерминтая.

— Скажи, Наурусбай,—обратился Дерминтай къ товарищу, когда они плавно покачивались среди безбрежной степи на красивыхъ иноходцахъ,—почему наши аксакалы такъ не любятъ уруса, не того уруса, который отбираетъ у насъ земли, прогоняетъ на солонцы—такого уруса я самъ ненавижу, а вотъ начальство, какъ у насъ на Чубарь-Джиланъ... Земли не отнимаютъ—кочуй свободно, дань не увеличиваютъ, жалованье управителямъ и аульнымъ платятъ... Школы заводятъ, сѣнокосилки раздаютъ...

Наурусбай мечтательно всматривался въ синѣющую даль, гдѣ

величавый Ала-Тау массивной цѣпью прорѣзалъ горизонтъ. Вопросы своего спутника онъ оставилъ безъ отвѣта...

— Старики наши—дураки: они, какъ старые жеребцы въ табунѣ, грызутъ молодыхъ, не позволяютъ намъ править народомъ... Бекжанъ... Онъ думаетъ, что все идетъ по старому, что жизнь остановилась и ждетъ его смерти... А посмотри, какъ съ тѣхъ поръ все измѣнилось...

— Дѣвки перестали красивыми родиться...—вдругъ перебилъ Наурусбай, не отрывая мечтательнаго взора отъ синѣющей дали.

— Не про дѣвокъ я говорю... Тебѣ все бы дѣвки... Про кайсацкую жизнь... Все равно не вернуть султановъ, да чѣмъ они лучше русскаго начальства были? Грабили народъ и больше ничего... Пробовали наши батыри и съ ними Бекжанъ прогнать изъ степи уруса, а онъ ихъ прогналъ... Кайсацкая пословица говорить: «не ходи противъ волка, коза: съѣсть»... Наши аксакалы забыли про эту пословицу. Нужно дѣлать такъ, чтобы не хуже, а лучше намъ жилось. Я и хотѣлъ такъ поступать, а Бекжанъ говоритъ, что я на чумбуръ народъ привязываю...

— А вонъ онъ, Бекжанъ-то, ѣдетъ,—проговорилъ Наурусбай, показывая нагайкой въ чернѣющую вдаль точку.

Кровь бросилась въ лицо Дерминтай. Злобное чувство желѣзными клещами схватило его горло. Онъ невольно разорвалъ воротъ рубахи и, громко втянувъ струю воздуха, ударилъ иноходца нагайкой. Отъ неожиданной боли конь шарахнулся въ сторону и едва не сбросилъ сѣдока, но, направленный сильной рукой, тотчасъ же взялъ карьеромъ по направленію точки. Наурусбай летѣлъ слѣдомъ. Точка быстро росла, стали обрисовываться костюмъ сѣдока, чубарая масть лошади, кречетъ на лѣвой рукѣ, сѣдая борода всадника. Бекжанъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на несущихся по его направленію верховыхъ. «Откуда чапары?»—мелькало у него. Подслѣповатые глаза не могли еще различить лицъ.

Дерминтай, не доскакавъ до него десяти сажень, быстро схватилъ съ задней луки волосяной арканъ и левымъ движеніемъ набросилъ петлю на плечи Бекжана. Мигъ—и старикъ былъ выхваченъ изъ сѣдла. Жесткая веревка захлестнула худую шею, выдавшіеся хрящи захрустѣли... Дерминтай продолжалъ нестись карьеромъ, приторачивая арканъ къ шеѣ своего иноходца. Трупъ старика мелькалъ среди ковыля...

Наурусбай, ошеломленный происшедшимъ, на мгновенно оса-

диль коня, но потомъ съ крикомъ: «Ой, оппромой»... бросился вслѣдъ Дерминтаю.

Вѣшенная скачка съ трупомъ продолжалась нѣсколько минутъ. Иноходецъ Наурусбая наѣхалъ на Дерминтая, переднія копыта уже касались развѣвавшихся полъ халата Бекжана. Еще одинъ прыжокъ—и острый ножъ перерѣзалъ арканъ. Иноходецъ Дерминтая споткнулся, но ударъ нагайки мгновенно поднялъ его, и черезъ двѣ-три минуты онъ растаялъ въ дали.

Двадцать старѣйшихъ аксакаловъ, одѣтые въ пестрые шелковые халаты, съ пышными тюбанами на головахъ, опоясанные кривыми саблями, медленно, по три въ рядъ, подходили къ биткѣ Чулака.

Старикъ Чулакъ ждалъ старѣйшинъ у порога.

— Почетный кайсакъ нашей степи, Чулакъ Костекъ-бала!— торжественно произнесъ бій Нурджанъ, поднимая лѣвую руку.— Совѣтъ аксакаловъ Чубаръ-Джиланъ, которому великій Аллахъ поручилъ честь степи и народа кайсацкаго, судить твоего сына Дерминтая. Онъ убилъ, какъ собаку, лучшаго изъ сыновъ Орды Кайсацкой, славнаго батыря и мудрого агиды Бекжана. Кровь за кровь!..

— Кровь за кровь!—въ одинъ голосъ прознесли аксакалы, поднимая руки.

— Отдай на казнь Дерминтая. Онъ предался урусу и Абу-Нирану. Его кровь смоесть позоръ степи, облегчить великую душу славнаго Бекжана, которая плачетъ сейчасъ въ степи ночной птицей и требуетъ за кровь—кровь!

— За кровь—кровь!..—пронеслось среди аксакаловъ.

Чулакъ, блѣдный, весь трясущійся, опустился на колѣни и дрожащимъ голосомъ началъ отвѣтную рѣчь:

— Великъ Аллахъ тамъ, въ голубыхъ небесахъ, славень Пророкъ его здѣсь, среди сыновъ степей, могучъ премудрый совѣтъ аксакаловъ Чубаръ-Джилана. .

Онъ упалъ на руки и оставался нѣсколько мгновений неподвижнымъ.

— Я не повиненъ въ крови брата моего,—продолжалъ онъ, поднимаясь.—Оставьте меня и жену мою въ живыхъ, и мы будемъ оплакивать смерть несчастнаго Бекжана. За его кровь...

— Кровь за кровь!—крикнули аксакалы.

— ... берите кровь всѣхъ дѣтей моихъ и внуковъ!

— Ничьей крови намъ ненужно, только крови сына твоего Дерминтай!—сказаль Нурджанъ.

— Идите къ нему, онъ въ своей кибиткѣ...

Въ томъ же порядкѣ аксакалы направились къ кибиткѣ Дерминтай.

— Дерминтай! Если ты дома, то выходи изъ кибитки. За чѣмъ?—это тебѣ скажетъ твоя совѣсть—громко произнесъ Нурджанъ, останавливаясь около порога.

Въ кибиткѣ раздался шорохъ.

— Подождите немного!—послышался оттуда сдавленный голосъ.—Я сейчасъ надѣну праздничную одежду и выйду къ вамъ.

Спустя нѣсколько минутъ, дверь кибитки откинулась, и передъ аксакалами предсталъ блѣдный Дерминтай. Ярко пестрый кашгарскій халатъ красиво облегалъ его стройную фигуру. На головѣ была шелковая зеленая тибетейка.

— Ты арканомъ перервалъ дыханіе мудрому бію Бекжану?—спросилъ Нурджанъ.

— Онъ опозорилъ меня.

— По святому адату кайсацкаго народа, за кровь—кровь!

— Кровь за кровь!—произнесли аксакалы.

Дерминтай сталъ на колѣни и сложилъ руки на молитву. Блѣдныя губы шептали какія-то слова, среди которыхъ чаще слышалось: «Алахъ-Акберъ... Иррахимъ-Иррахманъ»... Потомъ онъ наклонилъ голову.

Одинъ изъ аксакаловъ вынулъ изъ ноженъ кривую саблю, взмахнулъ ею, на нѣсколько мгновеній задержалъ надъ своей головой и потомъ быстрымъ движеніемъ опустилъ на голую шею Дерминтай.

Голова скатилась на траву, орошая струйками алой крови ковыль, склонившіяся головы аксакаловъ, ихъ шелковые халаты.

Нурджанъ поднялъ руки. Ему послѣдовали остальные.

— Всемогуцій Алахъ! Ты освятилъ нашу степь мудрымъ адатомъ! Онъ свято живетъ среди насъ. Сейчасъ мы исполнили его завѣтъ...

— Алахъ-Акберъ...—пронеслось среди аксакаловъ.

— Премудрый бій-Бекжанъ. Твоя кровь смѣшалась съ кровью убійцы, и ты успокойся...

Сумерки окутали Чубаръ-Джиланъ. Изъ лощины метнулась тѣнь ночной птицы...

— Бекжанъ...—испуганно прошепталъ кто-то изъ аксакаловъ.

Я. Полѣровъ.

285/346
Для лицъ, желающихъ получать журналъ въ Петербургѣ, подписка принимается въ конторѣ типографіи Альтшулера—
Фонтанка, 96 и
въ книжномъ магазинѣ И. И. Митюрникова—Литейный пр., 31.
Тутъ же розничная продажа номеровъ.

Сибирскіе

Восьмой годъ.

№ 14 Вопросы

28 Апрѣля 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. На заявкахъ. Отрывокъ. *Я. Я. Полферова.*
2. Горная полиція въ Олекминско-Витимской тайгѣ. *Я. С—а.*
3. Для будущаго. —*ова.*
4. Сибирскія письма: 1) Томскъ, 2) Канскъ, 3) Иркутскъ.
5. Очерки сибирской жизни.
6. Точки надъ і. *Бывшаго члена 2-й Думы.*
7. Обзоръ русскіе жизни.
8. Отрадныя мысли. *А. Алова.*
9. С.-Петербургское Сибирское собраніе.
10. Опроверженіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера. Фонтанка, 93.

1912

На заявкахъ.

(Отрывокъ).

Какой то весь короткій, съ бронзовымъ отъ загара лицомъ, подбородокъ котораго закрывался десяткомъ черныхъ, какъ смоль, и жесткихъ, какъ проволока, волосковъ, Муханъ суетливо хлопоталъ около закопченнаго чайника, подвѣшеннаго на треножникъ надъ пылавшимъ костромъ.

— Ой, бой-оппремой... Бульна сердитый!.. — громко произнесъ онъ, потирая опшаренный палець.

— Что готово, Муханъ? — послышался отъ рѣки усталый голосъ.

— Хазаръ (сейчасъ) готопъ? — откликнулся Муханъ, гремя чайникомъ.

На пологомъ каменистомъ берегу небольшой горной рѣчки Кіяла-Бурта, на старомъ, грубомъ коврѣ, однимъ краемъ опустившимся къ самой водѣ, полулежалъ въ форменной тужуркѣ и высокихъ сапогахъ инженеръ Котловъ. Его усталые глаза все время были устремлены на рѣку, отсвѣчивавшую темными бликами на откосахъ, покрытыхъ рѣдкимъ камышемъ. Рядомъ, на большомъ камнѣ сидѣлъ, по наполеоновски скрестивъ руки, молодой представитель усть-каменогорскаго торговаго дома „Яшминъ и Сынъ“.

Невдалекѣ возвышалась мѣловая гора Кіяла-Тюбе, поросшая мелкимъ кустарникомъ. Изъ-за вершины блестяль полумѣсяцъ мечети-медресе.

— Маль-маль готопъ... Чичасъ пасудамъ даемъ... Лепешкамъ, булкамъ даемъ... Аракъ-водкамъ... Все даемъ... — болталъ, коверкая русскую рѣчь, Муханъ, вынимая изъ погребца стаканы

и провизію. При этомъ онъ не преминулъ незамѣтно сунуть къ себѣ за пазуху нѣсколько кусковъ сахару и булку.

— Вѣдь, вотъ, все это чистая нефть... Видите, Пармонъ Семенычъ?—произнесъ Котловъ, показывая рукой на большой темнобурый маслянистый кругъ, рѣзко выдѣлявшійся на бѣлѣсоватомъ фонѣ воды.

— Вижу, Павелъ Ивановичъ... Много ихъ тутъ плаваютъ...— равнодушно отозвался Яшминъ, не мѣняя позы.

— Плаваютъ... Да что плаваютъ то! Чистая вѣдь нефть... Кладъ, Пармонъ Семенычъ... Милліоны скрыты въ этой то горѣ!..

Котловъ кивнулъ по направленію Кіяла-Тюбе.

— Кладъ... Это правильно вы сказали, Павелъ Ивановичъ. Да вотъ бѣда—не дается онъ намъ: заколдованный, знать... А пока что, на другой десятокъ тысеченокъ перемахнули. Къ тому то кладу, что въ горѣ чудесной, свой кладъ закладываемъ...

Ироническая нотка звучала въ словахъ Яшмина. Больно она рѣзнула молодое самолюбіе инженера. Онъ быстро приподнялся и, глядя въ упоръ на собесѣдника, нервно проговорилъ:

— Купеческая жилка заговорила...

— Кулаческая, Павелъ Ивановичъ, кулаческая... Ничего не подѣлаешь: законъ наслѣдственности. Мой тятенька тутъ фальшивыми кредитками промышлялъ, а сынокъ, хоть и съ юридическимъ образованіемъ, а тоже за легкой наживой пустился...

Яшминъ бросилъ въ воду камень. Мелкая рябь разорванными кругами покрыла ровную гладь рѣки.

— Да поймите же вы, странный человѣкъ, Оома невѣрующій,—не ошибаюсь я... Не зря убиваю ваши тысячи, а свою энергію...

Страстные потки зазвучали въ голосъ Котлова.

— Нефть, самая настоящая... Надо найти только главную жилу...

— Нефть нефти рознь: въ этой спичка тухнетъ...

— Тухнетъ, тухнетъ... Это, вонъ, Муханка такъ опредѣляетъ качество...

Киргизъ, разливавшій по стаканамъ буроватый чай, настоялся, услышавъ свое имя.

— Муханка самъ спичкамъ кидаль... Зачимъ Муханка, самъ купца Назаръ спичкамъ кидаль...

— Ну, пусть, я ошибаюсь,—продолжалъ Котловъ, принимая отъ Мухана стаканъ и осторожно ставя его передъ собой.—

А Нобель? Онъ тоже, снаряжая экспедиціи, тратя десятки тысячъ, ошибается въ здѣшной нефти?

— Эхъ, Павелъ Ивановичъ! Разсуждаете вы, аки дитю малое...

— Нельзя ли безъ этикетокъ... — морщась, перебилъ Котловъ.

— Виновать... Я этой этикеткой хотѣлъ подчеркнуть, что вы мало освѣдомлены въ области нашей коммерческой хитрости. Вѣрно-съ, не спору: не мало столбовъ Нобель тутъ наставилъ, усердно нахваливаетъ здѣшнюю нефть. Ну, а дальше-то что? Что-жъ онъ ко всѣмъ этимъ богатѣйшимъ нефтеноснымъ залежамъ, какъ вы изволите выражаться, ни рукъ, ни капиталовъ не прикладываетъ? Что вы на это скажете, Павелъ Ивановичъ?

— А чортъ его знаетъ!.. Онъ одной бакинской захлебнулся...

— Вотъ я и правъ, называя васъ ребенкомъ... Ну, ну, не буду... Не то, господинъ инженеръ... Не одинъ чортъ знаетъ, а и мы кое-что смѣкаемъ: просто-напросто онъ желаетъ изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ сдѣлать отвлекающій пластырь для расплотившихся въ послѣднее время нефтеманьяковъ.

— То-есть? Выражайтесь, Пармень Семенычъ, точнѣе, а не шарадами и аллегоріями! — Котловъ нервно отодвинулъ выпитый стаканъ.

— Да тутъ и нѣтъ никакой аллегоріи. Нефтяной король, желая царствовать безраздѣльно на Кавказѣ, и придумалъ сей фортель: „на основаніи данныхъ экспедиціи, я, нефтяной король, объявляю отроги Алтая и Урала богатѣйшими нефтеносными районами“. Жадная до миллионовъ публика и кинулась сюда. А чтобы укрѣпить свой манифестъ, господинъ Нобель и бросилъ десятокъ-другой тысеченокъ на заявки... Вотъ и разгадка вся! Какъ видите, психологія очень простая...

— Ну, а вы-то вѣрите въ то, что тутъ дѣйствительно есть залежи нефти? — спросилъ Котловъ.

— Нисколько. То есть нефть-то она есть, да только въ ней, какъ Муханка говорить, „спичкамъ тухла“, иначе говоря, больше воды, чѣмъ нефти.

— Такъ, за какимъ же чортомъ вы поѣхали сюда!

— Не за чортомъ, а за вами, Павелъ Ивановичъ... — невозмутимо продолжалъ Яшминъ. — Видите ли: мой тятенька, какъ выражается моя маменька, „рехнувшись на нефть“, спитъ и видитъ, какъ сорокъ сороковъ „фонталовъ“ забьютъ на его заявки. Ну!

а потомъ, почему и не прогуляться съ интереснымъ спутникомъ по широкой, вольной степи... Не такъ ли, Маханъ Маханьчъ?

— Солай, таксырь...—закивалъ головой Муханъ, польщенный такимъ обращеніемъ.—Степь киргизская бульна хороша мѣста... Помирать не надо, кругомъ жаксы... Зима бѣда, ой! бѣда, а лѣто бекъ-джаксы... Кумысь, маханъ...

Солнце стало заходить за Кіяла-Тюбе. Косые лучи позолотили плоскую вершину горы, отбросивъ длинную сплошную тѣнь на выбивавшуюся изъ-подъ скалы рѣчку, на пологую лощину. Полумѣсяцъ минарета ярко блестѣлъ своимъ серпомъ... Погасли въ рѣкѣ отраженія прибрежныхъ чахлахъ ветель и рѣдкихъ камышевыхъ зарослей, потеряли перламутровый блескъ прибрежныя струйки, задорно пробѣгавшія по отмелямъ... Потянуло откуда-то прохладной волной...

Всѣ молчали. Кругомъ тишина. Только всплескъ рѣки, да звукъ убираемой въ погребецъ посуды нарушали безмолвье. Котловъ, забросивъ руки за голову, неподвижно лежалъ на коврѣ. Яшминъ, опершись локтями въ колѣни и подпирая ладонями свои пухлыя щеки, задумчиво смотрѣлъ на рѣку.

— Спать куда пойдешь?—спросилъ Муханъ, обращаясь къ Котлову.

— У Абдурахмана...—лѣниво отвѣтилъ Котловъ.

— Джаксы... Святой человѣкъ... Умный мулла, все знаетъ... Ой, оппро мой, умный мулла...

И, какъ бы желая еще болѣе оттѣнить умъ хазрета, Муханъ поднялъ вверхъ голову и закрылъ глаза.

— Умный, умный, а вотъ не знаетъ, что за штука нефть,—дразнящимъ тономъ сказалъ Яшминъ.

— Ни знать, какъ ни знать... Хазретъ Абдурахманъ все знаетъ... Онъ самъ Аллахъ каждый ночь говорить... Тѣпте знать...

— Ну, а ты спрашивалъ его, откуда нефть берется и что это за штука?

— Спрашивалъ... Зачимъ ни спрашивалъ... Шайтанъ-масла...

— Ого, чортово масло!.. Знать, черти его съ кашей ѣдятъ,—смѣялся Яшминъ.

— Зачимъ съ кашей... Людямъ тавро кладеть... Какой человѣкъ спорилъ Аллаху, тому тавро кладеть. Хазретъ шайтанъ гонялъ, масла не давалъ дѣлать.

Муханъ сплюнулъ и заложилъ за щеку новую щепоть табаку.

— Хазретъ говоритъ: Абу-Ниранъ послалъ копъ (много) шайтанъ, вся степь тавро дѣлать, другой вѣра молиться... Гулялъ шайтанъ, тамаша всякій дѣлалъ, народъ бунтилъ, масла копалъ... Хазретъ долго молился на Мекка. Мухамеда на земля звалъ... Шайтанъ смѣялся, дыра копалъ, машина ставилъ... Хазретъ опять молитвамъ дѣлалъ, сильна кричалъ—въ Жаманъ-Кала слышна была... Поднялся буранъ, затопила Кіяла аулы и посыпались камня... Шайтанъ бѣжалъ...

— Эге, теперъ я понимаю, почему это нефть не годится: шайтанъ не додѣлалъ... Такъ, Маханъ Маханычъ?—обратился Яшминъ къ киргизу.

— Солай... Такъ... Купца-Назаръ, Жаманъ-Кала живетъ, вертѣлъ дыра, столбамъ ставилъ, долго вертѣлъ, акша (деньги) копъ давалъ, джокъ (ничего)...

— Что-жъ, хазретъ отмаливалъ? Аллахъ не давалъ?—не унимался Яшминъ.

— Вертѣлъ, долго вертѣлъ купца Назаръ, серчалъ, порохъ клалъ, громъ дѣлалъ, а шайтанъ-масла джокъ... Потекло разъ, спичкамъ бросалъ—тухла... Серчалъ, ругался, плевалъ и домой гулялъ...

— А вотъ на Ура-Тюбе навертѣли такой нефти, что спичка не тухнетъ, а шайтанъ-масло столбомъ горить,—съ улыбкой проговорилъ Котловъ.

Муханъ замолчалъ.

— Салай таксырь... слыхалъ... Хазретъ туда гулялъ...

— Молиться ѣздилъ, чтобы шайтанъ правовѣрнымъ тавро не клалъ? А?—спросилъ Яшминъ.

— Хазретъ святой человекъ, Аллахъ знаетъ его, Мухамедъ кунакомъ ходилъ кибитка Хазретъ... Хазретъ все знаетъ...

Крикливый голосъ азанчи прорѣзалъ лощину.

Муханъ, повернувшись лицомъ къ западу, присѣлъ на колѣни и молитвенно приложилъ растопыренные пальцы къ своимъ большимъ квадратнымъ ушамъ.

Вершина Кіяль-Тюбе еще горѣла въ багрянцѣ лучей заходящаго солнца. Длинная, безформенная тѣнь отъ горы таяла въ быстро спускавшихся надъ лощиной сумеркахъ... Рѣка тихо журчала въ своемъ каменистомъ ложѣ.

Я. Я. Полферовъ.